

ЛЕНА СОКОЛ

Недо,
ПОЛНОЕ
звезд

Я бы забрал
себе все твои
поцелуи.
НАВСЕГДА.

Лена Сокол
Небо, полное звезд
Серия «Young Adult.
Романтика Лены Сокол»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64856016
Небо, полное звезд: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-120692-5

Аннотация

Авария должна была разрушить жизнь семнадцатилетней Анны, но внезапно подарила ей второй шанс. Тайна, которую хранит девушка, не позволяет ей вернуться к прежней жизни. Когда по соседству появляется симпатичный парень Мика, все начинает меняться.

Он – единственный человек, которому Анна может открыться. Но если она это сделает, то потеряет Мiku навсегда. Паутина лжи опутывает ее все сильнее, и рассказать правду становится все труднее. Однажды время останавливается... и начинает ход в обратную сторону.

Содержание

Плей-лист	5
Пролог	6
Воскресенье, 31 мая 22.59	6
Четверг, 4 июня 7.29	8
1	14
1 апреля	14
2	21
3	26
4	33
5	38
6	44
7	48
8	55
9	62
10	67
Полтора года назад	67
11	72
12	81
13	87
14	92
15	97
16	103
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Лена Сокол

Небо, полное звезд

© Сокол Е., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Плей-лист

Lily Kershaw – As It Seems

Glen Hansard & Marketa Irglova – Falling Slowly

John Newman – Stand By Me

Sam Smith – Kids Again

Diana Demuth – Rose Of Nantucket

Lucas Hoge – If Only I Could

Ingrid Michaelson – Maybe

Rompasso – Paradise

The Weeknd – In Your Eyes

Aron Blom – Six Years

Shawn Mendes – If I Can't Have You

Sigrid – Mine Right Now

Coldplay – A Sky Full Of Stars

Посвящается моей Анне

Поверь, ты все еще можешь открыться миру

*Будущее неизбежно, предопределено, но может
не состояться. В промежутках нас подстерегает
Господь Бог.*

Хорхе Луис Борхес

Пролог

Воскресенье, 31 мая 22.59

О чем думает семнадцатилетняя девчонка, засыпая накануне первого в своей жизни свидания? Настоящего свидания, я имею в виду. И слово «настоящий» здесь предполагает официальное приглашение от парня, произнесенное им вслух, написанное на бумажном сердечке и приклеенное к окну.

Она думает о том, как все пройдет, что они скажут друг другу и – тут я не открою вам тайну – будет ли сопровождаться все это действие поцелуями. Тоже настоящими, разумеется.

Я засыпала, глядя на черное сердечко, которое Мика приклеил на стекло моего окна с обратной, уличной, стороны. «*Завтра. Ты и Я*», – было написано на нем неровным почерком. Из-за темноты я не могла разглядеть букв, но я точно знала, что они там есть, – я прочитала его послание еще до того, как выключила свет и легла спать.

«Ты и Я».

Звучало многообещающе.

И, повторяя эту фразу про себя перед сном, я не могла не улыбаться. Последняя мысль перед тем, как мои глаза со-

мкнулись, была о фонарике: а что, если взять его и посветить на стекло? Тогда можно будет снова прочесть написанное.

Но за фонариком вставать было лень, а я и так знала содержание послания. И оно заставляло меня улыбаться снова и снова.

Ты и Я. Завтра.

Так и будет.

Четверг, 4 июня 7.29

Я очнулась, еще до конца не осознавая, что проснулась не от звонка будильника, а от какого-то постороннего шума.

– Сюда! Да! Вот так! Наклоняй! – доносились с улицы мужские голоса.

Затем под окнами залаял пес. Наш пес.

«Какого черта?»

Дрисс – добродушный гигант-нюфаундлен – практически никогда не подавал голос. Чтобы заставить его лаять, нужно сильно постараться.

Я приподнялась, потерла веки пальцами и выглянула в окно.

Несколько рабочих возились на участке через дорогу. Похоже, старуха Пельцер все-таки получила разрешение от городского совета на устройство бассейна у себя во дворе. Вот же упрямая бабка! Мы только на днях смеялись с Микой, что только умалишенной придет в голову рыть бассейн перед домом в городе, в котором даже летом средние значения температуры едва достигают восемнадцати градусов.

– Опускай! – крикнул один из рабочих, махнув рукой.

И Дрисс беспокойно заметался у ограды, наблюдая за тем, как выгружают вдоль дороги массивные поддоны с декоративным камнем.

«Кто вообще отпустил пса во двор одного, без присмот-

ра?» – Едва в голове пронеслась эта мысль, как я по привычке перевела взгляд вправо – туда, где располагался дом Ярвиненов. И только тогда заметила, что на стекле нет черного сердечка – послания от Мики.

Наверное, унесло ветром – со здешней погодой ничему не стоит удивляться. Но сердце все равно неприятно кольнуло смутное предчувствие: будто происходило что-то нехорошее.

А потом зазвенел будильник. И это было так неожиданно, что я чуть не подпрыгнула. Потянулась за телефоном, отключила сигнал и снова посмотрела на окно. На стекле еще виднелись белесые следы от клея, который вечером держал записку.

Я перечитывала ее снова и снова перед сном – от воспоминания об этом на душе потеплело, но что-то странное во всей окружающей обстановке не давало покоя.

– Софья! – послышался мамин голос за дверью. – Да стой ты! Подожди!

Я осторожно спустила ноги с кровати и зевнула. На столе стояла ваза с желтыми тюльпанами. Откуда она здесь? Кто ее принес? Мама? Но когда?

– Со-о-фья!

И вообще, что мои мать и сестра делали дома утром в понедельник?

Мама уезжает на работу в 6.30, а Софья отправляется в школу в 7.20 на спецкурсы по подготовке к экзаменам.

Обычно я просыпаюсь в полной тишине, и первым звуком, нарушающим ее, становится шум включаемого мной компьютера.

– Даю слово, сегодня никаких наркотиков, сигарет и выпивки! – издевательским тоном пропела младшая сестра. – Надеюсь, теперь ты довольна, мам?

– Как смешно.

Я бросила еще один взгляд на экран смартфона. «7.30» – никакой ошибки. «ЧЕТВЕРГ, 4 ИЮНЯ» – было написано ниже.

Четверг?..

Сегодня же понедельник. Так?

Я потрясла головой.

И в этот момент мое внимание привлек пустой блистер из-под таблеток, лежащий на тумбочке возле моей кровати. Он включал всего две ячейки, и обе были пусты. Рядом стоял наполовину пустой стакан с водой.

– Эй, ты как? – В мою комнату бесцеремонно ворвалась Софья. Она подперла плечом дверной косяк и уставилась на меня.

– С каких это пор мы с тобой разговариваем? – огрызнулась я.

Ее лицо вытянулось. Софья удивленно хмыкнула, но тут же взяла себя в руки.

– Ну что ж, – произнесла она ледяным тоном, – бог свидетель, я пыталась быть с тобой любезной, дорогуша, но

тот факт, что смерть твоего возлюбленного никак не отразилась на намерении школы провести сегодня школьный бал, не оправдывает твоей агрессии. Ты можешь сколько угодно злиться на то, что его больше нет, но не нужно срывать злость на тех, кто пытается тебе помочь, ладно? Прими-ка лучше еще пару волшебных пилюль, что выписал доктор, и поспи. Или поплачь в подушку. Хотя... – Сестра оглядела меня с презрением и поморщилась. – Вряд ли такие, как ты, способны выжать из себя хотя бы пару слезинок, да?

– Что ты куришь вообще? Куриный помет? – Ошарашенно посмотрела на нее я. Затем вдохнула больше воздуха и закричала: – Ма-а-а-ам!

Вот уж кто точно должен быть в курсе, что ее шестнадцатилетняя дочь с утра вмазалась чем-то и поехала крышей.

– Мне жаль тебя, и все такое, – пожала плечами Софья. – Ты потеряла единственного друга, Анна, но уже хотя бы из-за этого можно было не быть такой сукой.

– Ма-а-ам! – нетерпеливо завопила я.

В коридоре послышались шаги.

– У нее приступ бешенства, – бросила сестра, разворачиваясь, – я умываю руки.

– Что случилось? – В комнату влетела мама. Она была в пижамных штанах, хлопковой кофточке, тапочках и явно не торопилась на работу. – Вы опять ругаетесь?

– Я ухожу. Разбирайся с ней сама, – вздохнула Софья и вышла в коридор.

– Мам, что она несет? – не выдержала я. – Какую-то чушь про смерть, пилюли какие-то, про школьный бал... – Я взмахнула рукой. – Ты посмотри на нее! Она же совсем слетела с катушек!

– Хватит вам уже ругаться.

– Я и не ругалась. Она ворвалась ко мне в спальню и начала нести этот бред!

– Пойдем позавтракаем, – примирительно улыбнулась мать. Убрала спутанные волосы за уши и подкатила к моей кровати кресло-коляску. – Кажется, ты ничего не ела с самой гибели Мики? Понимаю, как это тяжело, но доктор сказал...

– Что? – Я замотала головой. – О чем ты?

– О том, что тебе нужно питаться, чтобы не подорвать окончательно свое здоровье.

– Нет! Что ты сказала?! Гибели кого?! – У меня замерло сердце.

– Прости, родная, мне очень жаль. – Мама села и положила руку на мое плечо. – Мы все очень скорбим. Он был таким... добрым и светлым мальчиком. – На ее лице читалась усталость. – И я понимаю, что тебе сейчас очень тяжело, но мы должны как-то пережить его смерть.

Не знаю, может, слово «смерть» имеет какое-то магическое влияние, но, когда я слышала его из уст матери, у меня закружилась голова. Это точно не могло быть правдой. Это точно не могло произойти ни с кем из нас, а тем более с ним! Смерть? Гибель? Все это звучало чудовищно и должно было

оказаться лишь страшным сном...

Я сильно зажмурила глаза, но, когда открыла их, мамин полный сочувствия взгляд никуда не исчез. Она продолжала смотреть на меня с жалостью и нежно гладила по плечу.

На экране мобильного по-прежнему светилось слово «четверг», а за окном лаял пес. Я хотела закричать, что в день твоего первого настоящего свидания мир не должен внезапно сходить с ума. Хотела возразить, но не смогла выдать ни слова – просто продолжала непонимающе смотреть на мать.

1 апреля

До того момента, как по соседству поселился Мика Ярвинен, я не замечала (или старалась не замечать), насколько ущербна моя жизнь. Это был обычный, ничем не примечательный день, и я уж точно не могла подумать, что он изменит все.

– И сегодня побеждает... Анна! – торжественно объявил Алекс.

Все дружно засмеялись.

– Ха-ха, – злобно ответила я, подкатывая коляску к экрану компьютера. – Этот чат давно пора переименовать в чат любителей злодейского смеха.

– Тогда уж в чат мастеров злодейского смеха! – подхватил Алекс. Он тоже подкатил свое кресло ближе, и его изображение в окошке на экране стало крупнее. – Потому что за последние полгода твои вечные опоздания стали для меня отличной тренировкой, Романова. Я натренировался до мастера международного класса, и даже Доктор Зло с его эпичным «мвуахахаха» для меня больше не конкурент!

Он тут же рассмеялся – как-то по-девичьи, задыхаясь, и даже немного истерично, отчего все разразилось смехом, а я

чуть не расплескала принесенный с кухни чай. Нет, Доктор Зло точно бы позавидовал экспрессии, количеству переливов и палитре звуков в смехе Алекса.

– Все, прекратите! – попросила, ставя кружку на подставку.

– Нам всем нужно собраться, ребята, – призвала всех к спокойствию Женя. – Давайте посерьезнее, у меня мало времени, а за дверью обедает начальница фабрики.

И от этого стало только смешнее. Все вновь захохотали, а нервный смех Алекса лишь добавил новую порцию комичности ситуации. Мы смеялись и смеялись, и казалось, что ничто не сможет остановить нас в ближайший час.

Вообще традиция объявлять победителем того, кто опоздал к подключению, пошла с того случая, как мы четверо решили впервые встретиться офлайн. Это было полгода назад. Для встречи мы выбрали кафе, расположенное на первом этаже торгового центра, что обещало удобный вход, отсутствие ступеней, мягкие диванчики и приемлемые цены.

Ни один обычный человек не стал бы выбирать заведение по таким критериям, но мы были исключением – все четверо инвалиды. Все до одного. И даже я на тот момент.

Мы назначили встречу на двенадцать, но все пошло не по плану. Первым в кафе прибыл Матиас. Он успел вовремя исключительно благодаря тому, что был единственным из нас, у кого никогда не было проблем с опорно-двигательным аппаратом. Матиас – глухой. Ему двадцать один, он работает на

горно-обогатительном комбинате, читает по губам, и у него даже есть девушка. Настоящая – это могу утверждать со сто-процентной уверенностью: я видела, как он целует ее во время одного из наших чатов.

В целом вы даже не подумаете, что с ним что-то не так, если увидите его на улице. И даже если спросите у него, который час. Парень посмотрит на часы и ответит вам, потому что глухота у Матиаса не врожденная, а приобретенная после травмы – и он все еще помнит, как нужно говорить. Возможно, его голос покажется вам странным, ведь Матиас не слышит себя, но максимум, что вы подумаете, – это то, что у парня заложен нос.

Так вот, Матиас добрался вовремя. А вот у остальных были проблемы. Жене – девятнадцать, и она хондродистрофик, то есть карлик. Девушка на несколько секунд опоздала на автобус, и тот уехал, не дожидаясь, пока она неуклюже добежит до остановки. В ожидании следующего она потратила время.

Алексу на тот момент было шестнадцать. У него врожденная миопатия, и он отчего-то решил, что уже достаточно взрослый для того, чтобы проехать одному на такси через весь город без сопровождающего.

Водитель такси, завидев его одного, без взрослых, ковыляющего к машине на костылях, сказал, что ни за что не посадит в салон слабоумного, да еще с «этими грязными палками». Так план Алекса чуть было не провалился, но, хвала небесам, второй таксист, прибывший на вызов на замену

первому, оказался человеком чутким: помог сесть и даже аккуратно разместил костыли на заднем сиденье.

Так все ребята с трудом и опозданием, но добрались в тот день до кафе к половине первого. А последней прикатила я – уставшая и замерзшая. Конечно, наивно было полагать, что если живешь ближе всех к месту встречи, то доберешься до него пешком за час.

Слабым звеном в этом плане были два неучтенных мною обстоятельства: первое – я должна была преодолеть этот километр одна и на механической инвалидной коляске, второй – дороги этого города больше напоминали американские горки и не были приспособлены для передвижения инвалидов.

По сути, это была наша вторая встреча офлайн, ведь познакомились мы больше года назад в очереди на медико-социальную экспертизу. Дело в том, что по закону недостаточно просто получить инвалидность – иногда ее приходится подтверждать каждые два года до установки статуса «пожизненно», а иногда требуется проходить эту экспертизу повторно лишь для того, чтобы получить «блага» от государства, например индивидуальный план реабилитации.

Вот так мы и познакомились – в душной очереди к врачам среди десятков других инвалидов, которые пришли туда доказывать, что за два года у них чудесным образом не отросли ампутированные ноги, не восстановилось утраченное зрение или не появились волшебные способности к самоисцелению.

А эта встреча в кафе стала нашей второй встречей в реале. Тогда и появилась традиция – награждать опоздавшего титулом победителя и угощать за счет всей компании. Звучит весело, правда? Даже жаль, что угощения и поощрения для победителей не распространяются на наши встречи онлайн.

– Итак, чем ты порадуешь нас, Алекс? – спросила я, отхлебывая сладкий чай из кружки.

Мне не терпелось перевести тему со своего опоздания на что-то более интересное и менее смешное. Не то чтобы я не любила злодейский смех, но черед моих опозданий на этой неделе почти ввела традицию на высмеивание моей нерасторопности.

– Да-да, давай, рассказывай! – потребовала Женя, заедая ожидание бутербродом.

Наш чат всегда начинался в полдень, к этому времени мы с Алексом успевали закончить с уроками, а Женя с Матиа-сом устраивались за компьютером во время обеденного перерыва. Подключение происходило автоматически, поэтому было важно оказаться возле экрана вовремя. И если бы не мое отсутствие у компьютера в первую минуту после соединения, то разговор начался бы с обсуждения сериала или книги, которыми Алекс развлекал себя ночью.

– О-о-о... – многозначительно протянул Алекс. Его лицо выглядело немного опухшим, а взъерошенные светлые волосы он повязал по верхней линии лба черной банданой. Значит, не спал почти до рассвета и встал ближе к полудню. Это

могло означать только одно – парень открыл для себя новый шедевр. – Я сегодня до четырех утра смотрел «Сестру Рэт-чед».

– Какую? – переспросил Матиас.

Он всегда переспрашивал, когда не разбирал, что за слово было произнесено.

– Рэт-чед, – выразительно повторил Алекс.

– Ры-чит? – нахмурился Матиас.

– Черт, сейчас напечатаю! – взмахнул руками Алекс и продублировал название в чате.

Его ответ высветился в окошечке под видео.

– А-а-а-а, – кивнул Матиас.

– Все время забываю, что ты слушаешь глазами!

– Прости.

– И ты все еще называешь себя самым нормальным из нас? – подколот Алекс.

– Виноват! – рассмеялся тот.

Матиас хоть и был самым нормальным, но по-настоящему я восхищалась именно Алексом. Он единственный из нас смог, почти не выходя из дома, жить полноценной жизнью.

Алекс читал много книг, смотрел фильмы, сериалы и даже вел блог, в котором рассказывал своим подписчикам о прочитанном и просмотренном, причем делал это на таком уровне, с таким драйвом и юмором, что невозможно было не только оторваться от его видео, но и предположить, что этот парень не может ходить и что его жизнь чем-то отличается

от жизнью других.

Алекс был интересным – вот что отличало его от остальных. И я имею в виду не только инвалидов, которые в принципе ограничены какими-то рамками и не всегда могут полноценно социализироваться. Я имею в виду вообще всех людей, в том числе и подростков, которые перестали интересоваться чем-то, кроме тусовок и компьютерных игр, и полностью потеряли свою индивидуальность.

Я ведь не всегда сидела в этом кресле – знаю, о чем говорю.

– Вы знали, что этот сериал снят по роману «Пролетая над гнездом кукушки?» – поднял брови Алекс.

– Каким гнездом? – прищурился Матиас.

– Эй!

– Да ладно, шучу!

И в этот самый момент посреди пустой будничной болтовни и дружеского смеха я вдруг увидела *его*.

Ребята продолжали обсуждать сериал, а мое внимание привлекла фигура за окном. Так как два окна моей комнаты выходили прямо на веранду, а следовательно, и на дорогу, то идущая по улице высокая мужская фигура не могла не заинтересовать меня.

Это был парень. Ростом не меньше метра девяносто, с дорожной сумкой на плече. Мятая рубашка в клеточку, поверх нее кожаная куртка, грубые джинсы, ботинок из-за кустов я видеть не могла, но почему-то подумала, что они должны были быть такими же грубыми и неопрятными, как и вся остальная одежда незнакомца.

Он остановился, достал смартфон и уткнулся в экран – с таким серьезным, даже раздраженным видом, с каким обычно изучают географические карты до конца неизведанных территорий. Парень будто и правда пытался сориентироваться на местности: смотрел то в телефон, то на окружающие его дома с красно-коричневыми крышами и маленькими окнами и недовольно хмурился.

А когда его взгляд скользнул по нашей лужайке и поднялся выше – к окнам первого этажа, у меня неожиданно порозовели щеки.

– Романова, ты с нами?

– Анна!

– Эй, там, на троне!

До меня не сразу дошло, что реплики обращены ко мне.

– Что? – опомнилась я.

– Кажется, ты подвисла, – рассмеялась Женя.

– Я подумал, у тебя проблемы с интернетом, – тербя ко-
лечко в ухе, сказал Алекс. – Картинка была настолько ста-
тична, что я даже испугался, когда ты моргнула!

– Подождите, – отмахнулась я, вытягивая шею.

Незнакомец потоптался возле нашей калитки и направил-
ся к дому Ярвиненов. Вероятно, сориентировался. Обычно
это трудно сделать: в нашем районе нет высоток, все дома
двухэтажные и похожи друг на друга, как две капли воды. К
тому же номер дома указывается на табличке за оградой, и
его не всегда можно сразу разглядеть из-за деревьев. Разве
что почтальоны, проработавшие здесь не один год, могут с
ходу разобраться, где и чей дом.

– Что там? Старушка Пельцер опять разгуливает по кухне
голышом? – не унимался Алекс.

– Нет.

Мне пришлось отъехать от стола и направиться ко второ-
му окну.

– Ань, ты куда? – донеслось до меня.

– Сейчас! – отозвалась я, активно вращая колеса коляски
руками.

Но все равно опоздала. Когда я затормозила у окна, парня
с этой точки уже не было видно.

Он зашел во двор к соседям или прошел дальше?

– Анна! – продолжали вопить ребята. – Ну, ты где? Разверни хоть экран, мы тоже посмотрим!

Я обернулась к компьютеру. Они не могли меня видеть. Выглянула во двор – никого постороннего. Любопытство превысило осторожность, и впервые за долгое время я позволила себе рискнуть: приподнялась в кресле и посмотрела через стекло. И все же этого было недостаточно, незнакомца мне увидеть не удалось. Тогда я встала и почти прислонилась к окну.

Парень стоял у двери дома Ярвиненов и яростно вдавливал пальцем кнопку звонка.

Я села.

– Анна! – звали меня ребята, придумывая все новые и новые версии причин моего исчезновения. – Я знаю, знаю: ее украли инопланетяне! Нет, нет, во всем виноват несвежий козий сыр! Анна, ну, ты где? Вернись, мы все тебе простим!

Я поднялась и еще раз посмотрела в окно. Парень, отчаявшись дождаться ответа, бросил сумку на крыльцо и привалился к двери.

Я опустила обратно в коляску и подкатила к компьютеру.

– С возвращением! – махнул мне рукой Матиас.

– Живая, – усмехнулась Женя, запивая кофе свой обед.

– Так что это было? – уставился на меня Алекс.

Он упер локоть в стопку книг. «Общество мертвых по-

этов», лежавшая сверху, заскользила и съехала.

– Ой, – дернувшись, пробормотал Алекс и вернул ее на место.

– Так, какой-то парень, – сказала я, натягивая рукава кофты на пальцы. – Чужак.

– Где? На улице?

– Чудак? – переспросил Матиас.

Я не могла не улыбнуться.

– Чужак. В смысле, чужой, не местный.

– С чего ты решила?

Я пожала плечами.

– Наверняка сослали сюда для работы на комбинате, – предположил Алекс.

– Да, сюда добровольно люди не приезжают, – поглаживая свои плечи, будто замерзла, произнесла Женя.

– Нет, он слишком юн для специалиста завода или какого-нибудь рабочего. Совсем мальчишка. Наверное, приехал к кому-то в гости, – заключила я.

Я и сама не знала, почему решила, что он не местный. И дело даже не в кожаной куртке, которую вряд ли бы отважился надеть кто-то из городских в начале апреля, и не в одежде или внешности – город и так наводнен людьми разных национальностей. Я просто нутром почувствовала, что ему тут не по себе. Наверное, у меня было такое же лицо, когда я приехала сюда осенью позапрошлого года.

Сампо – потрясающее место, но привыкаешь к нему не

сразу.

– Так о чем мы говорили? – опомнилась Женя, бросая взгляд на часы.

– О сериале, – напомнил Матиас.

– Да, – продолжая загадочно смотреть на меня, кивнул Алекс.

Он словно понял, что я задумалась о чем-то серьезном.

Но это не так. Я просто думала о том, что хочу снова подъехать к окну, встать и посмотреть, не ушел ли тот парень...

Наверное, нужно сделать отступление и объяснить, что происходит, но очень трудно произносить вслух то, в чем боишься признаться даже самой себе.

Да, вы все правильно поняли. С моим опорно-двигательным аппаратом все не настолько плачевно, насколько представляют окружающие. И да, я скрываю от всех, что могу ходить. Такие дела.

Но на самом деле ситуация не так отвратительна, как может показаться... По крайней мере, мне очень хочется на это надеяться.

Всякий раз, как я вспоминаю ту аварию, у меня звенит в ушах. И я все еще слышу глухие звуки ударов и противный скрежет металла. Сначала мне в лицо летит стекло, а затем я лечу уже сквозь него – прямо в колючую влагу морозного вечера. И ударяюсь о землю. Бам. Или о дерево. Это неважно, потому что этого я уже не вижу – зажмуриваюсь что есть сил, а дальше... пустота.

Все, что я помню после удара, это ощущение придавленности – на меня будто бетонную плиту швырнули с размаху. А еще крики мамы: «Помогите! Здесь моя дочь, помогите ей!» И все это как сквозь вату. Все как будто не со мной.

Очнулась я уже в больнице.

«Слава богу!» – прошептала мама, обнаружив, что я при-

шла в сознание. Но скоро стало понятно, что она поспешила с вознесением славы Всевышнему – очнулась я не вся, а только верхняя часть моего тела. Нижняя оказалась парализована.

Позже были различные обследования, консилиумы, бесконечные консультации. Никто из врачей не спешил обнадежить маму, что в скором времени я непременно встану на ноги. Они давали очень неоднозначные прогнозы: обычно этот термин используют, когда вероятность выздоровления не более одного процента из ста.

Шанс на улучшение состояния у меня был призрачный, но все же. «Молодой организм творит чудеса», – неуверенно сказал какой-то седой доктор, глядя на снимки. И мать с радостью вцепилась в этот клочок надежды.

Препараты, массаж, физиотерапия – она терзала меня ими несколько месяцев, пока я не сказала, что устала и хочу сделать перерыв. Мама по-настоящему страдала и переживала, а я словно застыла. Как и мои ноги. Я могла часами сидеть на постели и разглядывать их.

Обычно для человека сгибание, разгибание ног и сжатие пальцев – процесс естественный: захотел – сжал, захотел – разогнул ногу. Сигналы от мозга к нервным окончаниям и мышцам доносятся молниеносно.

В моем же случае мозг был совершенно бессилен. Я приказывала ногам слушаться, но они продолжали лежать издевательски неподвижно. Словно чужие. Я вкладывала все си-

лы в то, чтобы заставить пошевелиться хотя бы палец, но все было тщетно, и раз за разом я падала на подушки, задыхаясь от слез. Мне словно пришили чужие конечности, которые отказывались принимать нового хозяина, и это сводило с ума.

А потом я вдруг поняла, что если чувствительность вернется, если я вновь обрету возможность ходить, то больше не смогу заниматься дома и мне придется вернуться в школу. И в этот момент все внутри похолодело от ужаса. Если вы все еще думаете, что ничто в целом мире не может настолько напугать человека, что он примет инвалидность как благо, то вы ошибаетесь.

Я не просто смирилась с новым положением дел. В тот момент я наконец почувствовала себя в безопасности.

Лишиться возможности общаться со сверстниками, вести полноценную жизнь, быть вынужденной обучаться дистанционно – все это теперь воспринималось мной как удивительное везение.

И именно поэтому, когда спустя год после аварии я почувствовала, что чувствительность возвращается, я не поспешила делиться этой новостью. Я решила выждать. Взяла паузу. Хотя бы до окончания школы.

Да, я прекрасно понимала, что не только обрадую мать известием об излечении, но и значительно облегчу ей жизнь, но оправдывала себя тем, что мне нужно время. Еще немного времени, пока страх не уйдет.

К тому моменту, когда я впервые смогла пошевелить пальцем, весь мой быт уже был подчинен недугу. Я привыкла. И привыкли все окружающие. Да, у меня по-прежнему не получалось взять печенье с верхней полки, но в остальном я уже не ощущала себя какой-то беспредельно ущербной и в целом справлялась с любыми домашними заботами.

Это было утро. Я откинула одеяло, собралась опустить безжизненные ноги на пол и вдруг поняла, что могу шевелить пальцами. Почему-то только средним, безымянным и мизинцем, большой и указательный никак не слушались. Целый день я обдумывала, не поделиться ли новостью с родными, но решила, что не буду торопиться. В итоге не сказала никому.

Через несколько дней я уже могла шевелить всеми пальцами. Посвятив пару часов в день занятиям, уже через неделю я достигла новых успехов – стало получаться двигать ступнями. Еще через неделю я встала на ноги. Рухнула, так как они отвыкли от веса тела, затем поднялась и попробовала встать еще.

А через месяц я уже могла свободно передвигаться по дому, но делала это очень осторожно. Вернее, даже не делала, потому что тут же ввела для себя новые правила: если никто пока не должен знать о том, что я хожу, то рисковать нельзя. Быть пойманной на месте преступления – гораздо хуже, чем лукавить о своем состоянии. Так я решила и далее следовала только им.

Позже к этому списку правил добавились:

«Если ты не рассказываешь никому, то никому вообще».

Это касалось и матери, и приятелей-инвалидов, и сестры, но с ней проще, так как мы и прежде не особо общались. Вставала на ноги я только в присутствии собаки, и то очень редко и ненадолго.

«Если есть вероятность, что тебя кто-то может увидеть, то это обязательно случится. Не рискуй».

Я никогда не вставала на ноги, не убедившись, что двери закрыты и дома никого нет. Я никогда не вставала на ноги возле окна, чтобы никто не мог увидеть меня с улицы. Я никогда не вставала на ноги без крайней необходимости, во многом еще и потому, что:

«От ходьбы появляются мозоли и сохнут пятки».

Есть большая разница между девственно-чистыми ступнями того, кто редко пользуется ногами, и даже не ярко выраженными потертостями и натоптышами у тех, кто регулярно ходит. И никакой уход тут не спасет. Натренированный взгляд врача сразу отметит этот факт.

Поэтому:

«Ходить как можно меньше. Лучше не ходить».

И:

«Звук шагов и даже случайно скрипнувшая половица могут выдать тебя».

До новой комиссии было как минимум полгода, и у меня еще оставалось достаточно времени, чтобы решить, как луч-

ше поступить.

Я только недавно читала про какого-то шведа по фамилии Гуднассон, который пятьдесят лет успешно водил за нос всех медиков и только перед смертью решил открыться и рассказал, что все это время мастерски имитировал инвалидность.

Он объяснял свое решение тем, что после тяжелой болезни, утратив способность к передвижению, он, естественно, почувствовал себя несостоявшимся. А когда здоровье к нему вернулось, мужчина решил не спешить делиться этой новостью со всем миром.

Как оказалось, его вполне устраивала жизнь калеки: привилегии, пособие, помощь соцработников. Живешь, отдыхаешь, не нужно ничего добиваться и доказывать кому-то свою состоятельность.

«Мои сверстники в тридцать уже добились того, что мне и не снилось, – говорил он, – как вы знаете, к мужчинам требования в обществе завышены. И тут я понял, что если останусь инвалидом, то и спроса с меня не будет никакого. Я не состоялся, потому что так сложились обстоятельства. И никто больше не ждал от меня чего-то сверхъестественного. Никаких карьерных высот, завоеваний и титулов. А необходимый минимум для жизни я получал от государства, и меня это устраивало».

Вы спросите, как ему удавалось водить за нос всех ученых мужей? Гуднассон объяснял это просто: «Все дело в мышечном тонусе. Периферический паралич характеризуется его

снижением, а спастический – повышением. Я уже знал, как это бывает и как следует себя вести на осмотре, и что изображать.

К тому же – и это, пожалуй, самое главное – если до тебя никому нет дела, то никому и нет дела. Пока деятельность экспертных комиссий нацелена на то, чтобы вычленять из списков больных детей, стремительно теряющих силы в связи с прогрессирующими заболеваниями, и лишать помощи взрослых, которые получили травмы на производстве, никто не обратит внимание на колясочников. Мы для них лишь звено длинной конвейерной ленты. Главное – вовремя получить пожизненную инвалидность, далее все намного проще».

Конечно, я не Гуднассон, и от одной мысли о том, что, возможно, мне придется обманывать врачей, у меня замирало сердце. Но одно я знала точно: сейчас я не могу встать. И не могу рассказать о том, почему поступаю так. Просто потому, что никто не поймет. Никто.

Матиас с Женей первыми покинули чат.

– Чем займешься? – поинтересовался Алекс перед тем, как отключиться.

– Наверное, почитаю книгу, – соврала я.

Мои мысли все еще крутились вокруг чужака.

– Книгого-о-олик! – закатил глаза друг.

– Да ты читаешь в десять раз больше меня! – возмутилась я. – И еще ты сериалоголик! И мне далеко до твоих результатов.

– Хорошо, сегодня заброшу все дела и выйду на пробежку, – съязвил он. – Как думаешь, моим бледным ляжкам пойдут короткие шортики?

Шутить на тему инвалидности – наше хобби. Если бы в данном виде спорта проводились соревнования, Алекс получил бы награду в номинации «Тридцать три различных способа постебаться над своей миопатией».

– Тогда надень свои шипованные найки, – улыбнулась я, – думаю, сегодня на дороге скользко.

Вот и весь наш удел: догадываться о том, какая погода за окном. Хотя, если быть точными, – удел Алекса, я-то находилась в заточении добровольно, но об этом не обязательно было кому-то знать.

– Непременно! – Друг послал мне воздушный поцелуй. –

На всякий случай захвачу и свои лыжные палки.

– Счастливо!

– Буду на связи!

– Рональду привет! – бросила я на прощание.

– Поцелую его от тебя!

Во избежание недоразумений стоит пояснить: Ронни – пушистая, как облачко, белоснежная морская свинка, которую родители подарили ему на Новый год. Чтобы вы понимали: врач рекомендовал им для реабилитации сына, который часы напролет проводит за компьютером из-за ведения блога, завести домашнего питомца. Так как собаку нужно выгуливать, а они целый день на работе, то морская свинка оказалась им отличным выходом из положения.

Примерно тем же руководствовалась и моя мать, когда притащила в дом черного как ночь и мохнатого до безобразия щенка ньюфаундленда. Так у меня появился Дрисс. Вот только с выгулом, как вы понимаете, у нас проблемы.

Связь прервалась, и я услышала, как хлопнула входная дверь. Значит, Софья вернулась из школы.

Обычно я вижу, как она проходит через калитку, но сегодня сестра промчалась так молниеносно, что я даже не заметила ее появления. А посмотрев в окно, увидела гуляющего меж невысоких кустов зимостойкого дерена черного пса – это она выпустила его на улицу одного.

Послышались торопливые шаги по лестнице, затем тишину разорвал грохот музыки.

«Опять врубил свой зубодробительный рок на полную катушку!»

Выкатившись в коридор, я застыла у подножия лестницы.

– Эй! – крикнула я.

Попытки перекричать музыку были тщетными.

– Эй! Вырубай уже свое дерьмо! – проорала я, едва не охрипнув.

Я была так зла на нее, что даже не назвала по имени. Слишком много чести для такой занозы, как моя сестра.

– Хва-тит!

Но музыка лишь заиграла громче.

Значит, Софья слышала меня и издевалась специально.

Еще бы – я ведь не могла подняться и достать до нее.

– Ты оставила пса одного на улице! – крикнула я, постучав по перилам лестницы.

Вот же дрянь!

Накинув на плечи найденную в коридоре куртку, я выкатилась на веранду.

Разумеется, это стоило мне определенных усилий, потому что пришлось изловчиться и переехать через порог. Чтобы вы знали: когда люди строят дома, они не думают о том, что кто-то из тех, кто будет в них проживать, однажды станет инвалидом. Не проектируют двери шириной в метр – хватит и восьмидесяти сантиметров, а в уборную и того меньше – шестидесяти, не строят пандусы у входа и не делают пониже подоконники, чтобы удобнее было смотреть в окно.

Вообще, если подумать, даже при наличии таких проектов, как «Доступная среда», наша действительность все еще мало приспособлена для проживания в ней людей с ограниченными возможностями, сколько бы ни говорили об обратном с экранов телевизоров. Только сев однажды в инвалидное кресло и проехав на нем по городу, можно понять, что этот мир заточен лишь под здоровых, сильных и вот таких же наглых, как моя сестра, людей.

– Эй, Дрисс! – позвала я, останавливаясь у перил на веранде.

Дальше спуститься без посторонней помощи у меня бы не получилось, но пес, заведя меня, должен был принять тот факт, что за ним приглядывают, – я отчаянно надеялась на это.

Вряд ли мохнатого остановило бы мое присутствие, заметь он кошку во дворе у соседей, но в любом случае прогулка под присмотром одного из хозяев лучше, чем бесконтрольный выгул на территории, чисто символически ограниченной от соседских участков редким кустарником и невысокой оградой, которую пес при желании мог перепрыгнуть в два счета.

– Уф, – Дрисс издал не лай, а скорее низкий и довольный утробный звук и бросился ко мне.

Даже щенком он выглядел великаном с медвежьими лапами и огромной головой, а уж теперь надвигающаяся на меня большая черная тень вызвала волнение.

– Хороший мой, – рассмеялась я, пытаюсь его погладить.

Но Дрисс не рассчитал скорость и врезался в мои колени, да с такой силой, что коляска отъехала аж на полметра.

– Здоровяк! – Я попыталась сдержать вторую попытку забодать меня.

Сделав два круга вокруг коляски и лизнув меня в руку, пес поспешил назад на едва покрывшуюся мелкой травкой лужайку. Он всегда делал так, когда боялся, что его позовут домой. А когда его звали, Дрисс всегда задумчиво глядел вдаль, будто не слышит, или наоборот – делал жалобные глаза, чтобы ему позволили погулять еще немного.

Сегодня я была не против подождать его. Да и ничего страшного, ведь на улице на удивление тепло, светит солнце, на мне мамина старая куртка, а на ногах теплые носки. Я прищурилась, позволяя солнечным лучам растечься по моему лицу, слегка расслабилась и в этот самый момент услышала недовольное:

– Эй! Не трогай! Иди отсюда! Пошел, пошел!

Открыв глаза, я застала своего пса атакующим высаженные вдоль разделительной линии между участками кусты дерена. А приглядевшись, вдруг обнаружила, что объектом его поползновения был не куст, а тот, кто в ужасе шарахнулся от этих кустов, – тот самый парень, чье появление на нашей улице так заинтересовало меня.

– Дрисс! – крикнула я, призывая пса к спокойствию.

Но гигант уже перешагнул невысокую сорокасантиметровую оградку между участками и застыл перед незнакомцем, виляя хвостом.

– Убери его! – в ужасе взмолился парень, пятясь назад.

– Дрисс! Иди сюда! – громче позвала я, выпрямляясь.

Судя по тому, что я видела, пес хотел лишь поиграть с ним. Наклонился вперед, оперся на передние лапы, склонил вниз голову и издал низкий звук, больше похожий на «Ну-у», чем на полноценный лай.

– Убери! – повторил, втягивая голову в плечи, незнакомец.

Я разволновалась, не зная, как мне лучше поступить.

Конечно, ньюфаундленды – одна из самых добрых пород собак. Практически невозможно заставить их лаять или проявлять агрессию. Они абсолютно бесполезны как защитники территории, но разве мог об этом знать чужак? Я была

уверена, что, увидев огромного, как теленок, черного пса, устрашающего вида которому добавляла длинная, блестящая шерсть, он запаниковал – так отреагировал бы каждый.

И, конечно, парень не думал о том, чтобы посмотреть в наивные и чистые собачьи глаза, – ему было не до этого, он спасал свою жизнь от внезапно нагрянувшего на чужую территорию хищника.

– Убери свою собаку, я сказал! – прогремел его голос.

– Гав! – ответил Дрисс.

Ему явно нравилась эта игра.

– Я не могу! – отозвалась я, разведя руками.

Фигура парня заметалась перед домом Ярвиненов, и Дрисс старался не отставать. Эти рывки показались ему невероятно забавной игрой в догонялки: куда чужак, туда и он.

– Что значит «не могу»?! – теряя самообладание, проревел парень. – Это твой зверь? Так убери его от меня!

– Я не могу... – растерялась я.

– Пошел отсюда, уходи, уходи! – Он замахал руками.

А вот это он зря.

Теперь Дрисс так увлекся, что не послушался бы и маму.

В доме гроыхала музыка, и я, оглядевшись по сторонам, вдруг осознала, что никак не могу помочь незнакомцу. Если он в конечном итоге умрет от разрыва сердца, виноватой буду я.

– Он добрый, он просто хочет поиграть! – крикнула я. –

Дай ему обнюхать себя.

– Откуда мне знать, что он меня не съест? – Вжался в стену парень. – Подойди и убери его от меня!

Дрисс с размаху ткнулся объемным лбом в его коленку, и чужак зажмурился. Мне было ужасно стыдно за поведение невоспитанного питомца, но я ничего не могла поделать.

– Фу, Дрисс, фу, прекрати!

– Почему бы тебе просто не увести его отсюда? – прорычал незнакомец, тяжело дыша, пока собака его обнюхивала.

– Я не могу, – ответила я, выезжая к ступеням, чтобы собеседник мог видеть меня полностью. – Я... не хожу.

– О-о... – многозначительно протянул он.

Дрисс к этому моменту уже закончил обнюхивание и сел, ожидая от нового приятеля сигнала к продолжению игры.

– Ты ему нравишься, – смущенно заметила я.

Иначе зачем псу перепрыгивать через ограду и знакомиться с ним таким варварским способом? Однажды зимой он точно так же познакомился и с хозяином этого дома – Отсо Ярвиненом.

– Что-то я сомневаюсь... – уже спокойнее, но все равно с опаской произнес незнакомец.

– Точно понравился, – кивнула я. – Смотри, он виляет хвостом.

– Вот этим бревном? – Парень скептически оглядел здорovenного ньюфаундленда.

Я не могла не рассмеяться.

– Он только кажется большим, а на деле ребенок. Ну же, погладь его, не бойся.

– Погладить? – Незнакомец сдул прядь каштановых волос, упавшую ему на лицо. – Это разумно, если хочешь остаться без руки. А мне мои еще пригодятся.

Он взмахнул руками, и пес опять радостно двинулся к нему.

– Хэй, дружище! – Парень поднял руки выше, показывая, что не опасен. – Видишь, я не собираюсь на тебя нападать!

Он аккуратно убрал выбившуюся прядь за ухо и улыбнулся.

Сквозь меня будто пропустили электричество. Не знаю, что действовало сильнее – озорная мальчишеская улыбка или то, как красиво рассыпались его волосы от неуверенного движения головы, но мне вдруг стало тяжелее дышать.

Прическа у незнакомца и правда была очень необычной и стильной: слегка выющиеся темно-каштановые волосы уложены на косой пробор, лежат небрежно и достают примерно до линии подбородка. Подобная прическа уж точно шла не каждому мужчине, а на нем – смотрелась потрясающе. Пожалуй, я не видела ничего идеальнее, чем эта показная небрежность во всем его внешнем виде.

Парень был странным, он совершенно не вписывался ни в окружающий пейзаж, ни в размеренный и сдержанный стиль жителей города и оттого казался мне особенно притягательным. Или, может, я просто слишком засиделась дома?

– Можно? – спросил он, протискиваясь между редкими ветвями дерена и заноса ногу над невысоким металлическим ограждением. – Я же должен как-то вернуть тебе пса?

– Конечно, спасибо, – кивнула я, нервно заламывая пальцы.

Парень все еще опасался внезапного нападения собаки, поэтому держал руки прижатыми к груди и постоянно оглядывался. Он перешагнул через разделяющий участки железный заборчик, и лохматый черноглазый увалень Дрисс перепрыгнул его следом за ним.

– Ну, вот, – сказал незнакомец, подходя ближе. – Можешь забирать.

По мере его приближения на меня накатывало чувство, будто я выхожу из прохладной речной воды на палящее солнце, но зато теперь появилась возможность разглядеть его в деталях.

Высокий, в меру худощавый, с широкой улыбкой на лице. Такие, как он, в здешней суровой действительности почти не встречались, поэтому парень смотрелся чуть ли не инопланетянином. «У него даже глаза улыбаются», – подумала я, и это открытие меня поразило. Алекс непременно бы прищипнул, а у меня хватило ума лишь на то, чтобы продолжать пялиться на карие глаза незнакомца, на его торчащие во все стороны темные кудри и нелепо моргать.

– Как зовут? – не дав мне перевести дыхание, поинтересовался он.

Пес сел у него в ногах.

– Дрисс, – ответила я, глядя на него снизу вверх.

И прикусила язык.

– Ага. А тебя? – смутил меня еще сильнее парень.

– Анна, – едва слышно произнесла я.

– А меня Мика, – сказал он.

И, немного поколебавшись, все же протянул мне руку.

Его ладонь оказалась прохладной и твердой. Наверное, я слишком засмотрелась на нее, потому что парень кашлянул. Пришлось расцепить пальцы и убрать руку.

– А я подумала, что ты не местный, – краснея, произнесла я.

Северные имена для обитателей здешних мест не были чем-то удивительным. Смешение двух культур в Сампо ощущалось не только в именах жителей, названиях улиц, предприятий, но и в архитектуре зданий, общечеловеческих ценностях, манере общения и в поистине европейском отношении к жизни.

– А я и есть, – кивнул он. – Родился здесь и жил до пяти лет, а потом уехал.

– Вот как... Тогда ты больше местный, чем я. Мы приехали сюда всего полтора года назад.

– Твой пес часто убегает к соседям? – Мика все-таки осмелился и потрепал его по загривку.

Мне стало неловко.

– Мы стараемся следить за тем, чтобы этого не произошло. А ты приехал к Отсо Ярвинену?

– Да. – Парень нервно взлохматил волосы. – Только я забыл про разницу во времени, поэтому меня не встретили.

– Если хочешь, пос... – Слова застыли у меня на языке

потому, что я увидела подъезжающий к дому соседей автомобиль. – А вот и Отсо.

И от меня не укрылся тот факт, что парень, бросив взгляд через плечо, мгновенно помрачнел.

– Значит, мне пора, – отрывисто бросил он. – Тебе помочь завести домой пса?

– Да, спасибо, – кивнула я. – Сомневаюсь, что он отстанет от тебя добровольно.

Развернула коляску и дернула дверь.

– Иди, приятель. – Мика проводил его до входа.

Пес вошел в дом, но очень неохотно. И тут же сел в прихожей, нацепив на морду самое обиженное и тоскливое выражение из всех, какие имелись в его арсенале.

– Похоже, он расстроился, – заключил парень.

– Ему бы только гулять, – подтвердила я.

– Ладно, я пойду, – обернулся ко мне Мика.

Его лицо выражало грусть от чего-то столь же неотвратимого, как лишение свободы для Дрисса.

Он спустился по ступеням и побрел по дорожке к калитке.

Я открыла дверь шире и не без усилий «перепрыгнула» на коляске через порог. Затем развернулась и потянулась за дверью, когда заметила, что Мика обернулся.

– Приятно было познакомиться, Анна! – махнул он.

– И мне, – отозвалась я.

Сердце подпрыгнуло от волнения.

Прежде чем закрыть дверь, я проследила взглядом за тем,

как парень завернул на соседский участок. Вышедший из машины Отсо Ярвинен, очевидно, был рад его видеть: замешкался, вытер руки о джинсы, а затем распахнул для Мики объятия. Но тот не спешил обнимать соседа. Он протянул ему руку, и они поздоровались вежливым рукопожатием, а затем, подобрав с крыльца сумку, вошли в дом.

– А, ты уже его пустила, – послышался голос сестры.

Пес среагировал и бросился к ней. Может, она и не хотела спускаться на первый этаж, но из-за Дрисса вынуждена была сделать это.

– Он убежал к соседям, – глядя на нее с укором, бросила я. – Неужели трудно было присмотреть за ним? Это всего пять минут твоего времени.

– Но ведь вернулся же, так? – усмехнулась Софья.

Я оглядела ее прикид. Черные рваные колготки, кожаная юбка, растянутая широкая черная футболка с потертым золотистым принтом, массивные кольца на пальцах, металлические браслеты, гнездо спутанных волос вместо прически. Образ завершали мертвецки-синие губы и густо подведенные черным глаза.

– Ты себя в зеркало видела? – не удержалась я, скидывая с себя мамину куртку. – В таком виде ведьмы на шабаш ходят. Надеюсь, ты не одеваешься так в школу?

Конечно, одевается. Мама уже давно не пытается с этим бороться.

– Завидуй молча, – хмыкнула она.

Села на корточки и погладила пса.

Я положила куртку на столик, объехала сестру и направилась в свою комнату. И уже перед тем, как закрыть дверь, рывкнула:

– И кто только станет терпеть тебя...

– А я, как ни погляжу, у тебя тоже просто до хрена друзей, да, Анна? – ядовито рассмеялась Софья.

Я хлопнула дверью и сжала пальцы в кулаки. Не хотелось это признавать, но она права. Никто из тех, с кем я общалась в школе, даже не навестил меня после аварии.

– А ты рассказывала своим приятелям-инвалидам о своем прошлом? – пропела она.

– Да пошла ты! – крикнула я.

Из-за двери раздался жуткий смех.

«Стерва! Дрянь! Ведьма!»

Мне хотелось, чтобы она заткнулась. Чтобы перестала смеяться.

Я закрыла уши ладонями и зажмурилась.

Было почти так же больно, как когда меня толкали сбившиеся в стаю девчонки в школьном туалете. Я не хотела вспоминать, но снова и снова слышала свой жалобный голос и чувствовала, как горят ладони от ударов по двери. Я кричала, задыхалась и молила, но мне никто не открывал.

Через два дня, покончив с уроками и отослав их на проверку учителю, я включила музыку, прилегла на кровать и устала в потолок. Новый трек Сэма Смита наполнил комнату всеми оттенками душевных терзаний. С тех пор как инвалидное кресло стало частью меня, моя жизнь кардинально изменилась. И дело касалось не только ежедневных занятий, трудностей в быту или круга общения, одним из основных лишений стал переезд на первый этаж в бывшую мамину спальню.

Из моей спальни, которую теперь занимала сестра, я могла видеть огни города, гармонично вплетенного в лес. Мы много переезжали за последние десять лет, и потому меня трудно было чем-то удивить, но Сампо с первых минут показался мне магическим местом.

Нигде раньше я не видела, чтобы город вырос и расцвел прямо посреди дикой природы: для него не выбирали какой-то пустырь и почти не вырубали лес. Его как будто встроили в лесной массив, и даже в самом центре Сампо кое-где еще возвышались вековые сосны, образуя целые зеленые островки и парки.

Да, я была добровольной узницей тюрьмы своей лжи. Я постоянно уговаривала себя, что все происходящее оправданно и не тяготит меня. Но вспоминая те вечера, ко-

гда я садилась на широкий подоконник, надевала наушники и слушала любимую музыку, любуясь из окна величественными видами природы и мирно сосуществующими с ней творениями человеческих рук... В эти моменты у меня нестерпимо щемило сердце.

Когда песня кончилась, я взглянула на часы.

У меня было около двадцати минут для того, чтобы приготовить себе чай и вернуться к компьютеру. Сегодня я не собиралась опаздывать. Пусть назначают победителем кого-то другого.

Я села в кресло и поехала на кухню.

Но там меня ожидал неприятный сюрприз: сахарница почему-то оказалась на верхней полке гарнитура. Мне не нужно было напрягать мозги, чтобы догадаться, чьих рук это дело. Если у Софьи появлялась возможность сделать мне какую-нибудь гадость, она ее делала.

Размышляя о том, так ли уж сильно мне хочется сладкого чая, я сжевала целый бутерброд с арахисовой пастой.

«Обойдусь без чая», – решила я.

И в этот момент услышала стук в дверь.

Пес засуетился, стал радостно поскуливать, забегал по коридору.

«Кого это принесло?»

Я отряхнула руки от хлебных крошек, торопливо облизнула губы и отправилась открывать. Глупо было бы отрицать, что я не думала о Мике ни разу за эти два дня, – еще как

думала, особенно из-за того, что все это время его не было видно возле соседского дома. Так или иначе его появление на пороге моего жилища оказалось неожиданным.

– О... – выдохнула я, обнаружив его за дверью.

– Я настолько хорош собой, что ты потеряла дар речи? – улыбнулся парень, глядя на меня сверху вниз.

Дрисс, отпихнув меня, бросился к нему. Я едва удержалась «в седле», но была благодарна псу за то, что он прервал неловкую паузу, возникшую в тот момент, когда я поняла, что от волнения не могу связать и двух слов.

– Привет-привет, злодей! – погладил его по голове Мика.

И тогда пес, окончательно обнаглев, решил встать на задние лапы и выразить свое почтение гостю мощным толчком в грудь.

– Эй, полегче! – рассмеялся парень, подхватывая его за лапы.

Надо признать, вблизи Мика оказался еще привлекательнее: длинные ресницы, густые брови, лукавые морщинки в уголках глаз. К тому же под его расстегнутой курткой обнаружилась черная футболка с надписью: «Друзья не лгут», а это была фраза из моего любимого сериала «Очень странные дела», поэтому парень немедленно получил сто очков, что приблизило его по шкале симпатии от «Ничего себе, какой» к «Боже, за что ты так со мной?».

– Кстати, почему Дрисс? – вдруг спросил он, переводя взгляд на меня.

– Это ирония. – Парень сузил темные глаза до узких щелочек, поэтому мне пришлось пояснить: – Мама решила, что для успешной реабилитации мне необходим питомец. Когда она притащила в дом большого черного пса, я вспомнила французский фильм «Неприкасаемые»¹, помнишь такой? Ну, тот, где парализованному аристократу Филиппу в помощники наняли здорового темнокожего верзилу Дрисса, бывшего преступника. Вот мы с моим Дриссом копия этой парочки.

– Забавно, – продолжая трепать собаку за загривок, улыбнулся Мика.

Я пожала плечами.

Мы смотрели друг на друга, и молчание опасно затягивалось.

– Отец сказал, что в этом городе много милых и общительных людей, – наконец нарушил его парень. – Ты довольно мила, но совсем не общительна. Я так и знал, что он врет.

– Прости, – улыбнулась я. – Просто ты так и не сказал, зачем пришел.

– Ой. – Мика виновато тряхнул головой. – Точно. Прости! – Он поправил волосы и спрятал руки в карманы, затем тут же их вытащил. – Дело в том, что я тут никого, кроме тебя, не знаю. К тому же отец сказал, что ты дружила с моей сестрой.

---

¹ «Intouchables» – в русском прокате «1+1» французская трагикомедия 2011 года, реж.: Оливье Накаш и Эрик Толедано.

– Сестрой?

– С Оливией.

Я открыла рот, безуспешно пытаюсь подавить растущую внутри бурю.

– Э... Отсо Ярвинен – твой отец?!

– К сожалению, да, – нахмурил брови Мика.

– Я не знала, что у него есть сын...

– Мы практически не общались. – Он пожал плечами.

Судя по тому, как заходили желваки на лице парня, эта тема была не самой приятной для него.

– Вот как... И... – Я растерялась. – Ты приехал его навестить?

Потеряв интерес к гостю, Дрисс выбежал во двор. Мы остались на пороге моего дома вдвоем.

– Да, – кивнул Мика. – Я поживу тут. Эм... некоторое время.

– Ух ты, – выдохнула я.

– Что?

– Просто Оливия никогда не говорила, что у нее есть брат.

– У нас с ней... разные матери. Так бывает.

– Ясно... – мой голос прозвучал надтреснуто и неестественно.

– Я подумал, вдруг ты согласишься прогуляться со мной до кладбища? – осторожно спросил парень. – Покажешь ее могилу...

– До кладбища?!

– Это ни черта не романтично, знаю. Но отца я попросить не могу. Мы с ним... – Мика склонил голову набок и прищурился. – Еще не нашли общий язык, скажем так.

– Ух. Я не знаю, – пробормотала я, чувствуя, как леденеют руки.

– Хочешь, возьмем с собой пса? – Парень кивнул на возникшего на пороге Дрисса.

Тот остановился, высунул толстый розовый язык и, часто дыша, уставился на нас. Его черные глаза блеснули жадной приключений.

– До кладбища тут недалеко, но дорога ужасная, – вынуждена была расстроить я их обоих. – Тебе придется помогать мне с коляской, и это будет непросто. А если ты потащишь с собой на поводке еще и пса весом с полцентнера, то наш поход быстро превратится в квест на выживание.

– Хорошо, оставим его дома. – Мика потер ладони друг о друга. – Так ты согласна?

Его обаяние не оставляло мне ни единого шанса. Над головой Мики ослепительным красным вспыхивали предупредительные огни: «Не делай этого, держись от него подальше!» – но я не могла заставить себя сказать ему «нет».

Или не хотела.

– Согласна, – сдалась я. – Только мне нужно одеться.

– Без проблем! – радостно выпалил Мика. – Я пока побуду здесь, покидаю фрисби своему новому другу.

Дрисс, правильно растолковав его слова, тут же ринулся

во двор искать позабытый под кустом летающий диск. Парень махнул мне рукой и спустился по ступеням.

– Я быстро, – пообещала я.

Закрыла дверь и уставилась на трясущиеся ладони.

«Он ее брат. Он. Ее. Брат...»

Одна часть меня радовалась, что я проведу время с симпатичным парнем, другая – тряслась в ужасе от того, что ожившие призраки прошлого грозились прийти за мной и сожрать заживо.

– О-о-о! – раздалось из динамиков, когда я подкатила к компьютеру. – Вот и опоздунья вернулась! – Ребята дружно рассмеялись. – Что на этот раз?

– Некогда объяснять. – Я сложила ладони лодочкой. – Мне нужно бежать, простите! Меня пригласили на прогулку.

– И ты согласилась? – усмехнулся Алекс. – Добровольно выйти на улицу?

– Да.

– Если тебя взяли в заложники, просто моргни, Анна!

– До связи!

Я послала им воздушный поцелуй и отключилась. Прежде чем окно с чатом свернулось, на нем отразилось несколько недоумевающих лиц.

Перед тем как покинуть дом, я придирчиво оглядела себя в зеркале. Каштаново-медные волосы торчали из-под шапки тонкими крысиными хвостиками, лицо казалось осунувшимся и усталым, а кожа, давно не знавшая солнца и оттого приобретающая нездоровый оттенок, отливала оливковым.

Я выглядела худой, измученной и бледной, и тут вряд ли помогли бы расческа или блеск для губ. И мне не нужно было напоминать, что это не свидание, а всего лишь короткая дружеская вылазка на свежий воздух, но я все еще помнила, что Мика – парень, а я девушка. А значит...

Поправка: привлекательный парень и девушка в инвалидной коляске. *И это меняло все.*

Как бы мне ни хотелось нравиться соседскому мальчишке, я все еще оставалась в его глазах неполноценной. Вряд ли какой-то парень захочет добровольно возиться с калекой. Так что нечего было выдумывать всякие романтические бредни про то, что «может быть, ты ему понравилась» и «может быть, ему будет плевать, что ты не такая, как все».

– Я готова, – сообщила я, выбираясь на веранду.

Неуклюже поправила сбившуюся набок шапку и одернула резинку по низу куртки. Я выбрала для прогулки не совсем подходящую одежду – ту, модную, из прошлой жизни. В такой не слишком-то удобно передвигаться на инвалидном

кресле, но мне не хотелось быть лохушкой в маминой куртке – той, какой меня впервые увидел Мика.

– Все, Дрисс, – парень спрятал фрисби за спину и указал псу на дверь, – пора домой. Пошли!

Тот посмотрел на него с надеждой, но, наткнувшись на серьезный, строгий взгляд, неохотно направился по каменной дорожке к дому.

– Смотри-ка, он тебя слушается, – не смогла сдержать улыбку я.

Кажется, я нервничала так сильно, что по моей спине струился пот, а щеки покраснелись раньше времени.

Мика дождался, пока Дрисс отвернется, и запустил диск под один из кустов.

– Просто он очень смысленый, – подмигнул мне парень. – Наверное, в предыдущей жизни был человеком.

«О боже, – сглотнула я. – Не делай так больше».

Моему сердцу не следовало бы подпрыгивать всякий раз, когда этот парень подмигивал мне или искренне улыбался.

Я немного отъехала в сторону, пес прошел в дом, и Мика закрыл за ним дверь. Затем я придвинулась к замку двери, заперла его ключом и сунула ключ под коврик.

– Оставляю для сестры.

Вот будет сюрприз для Софы, что меня не окажется дома.

– У тебя есть сестра?

– Да, младшая. У нас разница в один год.

– Наверное, это здорово – иметь сестру того же возраста,

что и ты.

– Не особо, – скривилась я.

– Я рос один, и у меня никогда не было сестры. – Парень изобразил кавычки. – Номинально. – Затем пожал плечами. – Я знал, что у отца есть дочь. Ну, как знал... вообще-то он бросил мою мать из-за того, что оказалось, что у него растёт дочь моего возраста. Или мать бросила его из-за этого. Не суть. – Мика нервно прикусил нижнюю губу. – В общем, это не совсем приятная для меня тема, и мне не хочется сейчас говорить об этом. Если коротко: мама увезла меня из Сампо, когда мне было пять лет, и больше я своего отца не видел. Соответственно и Оливию тоже.

Я тяжело вздохнула.

– Мне очень жаль.

– Бывает, – натянуто улыбнулся он. Затем подул на свои ладони и, видимо, решил сменить тему: – Ну что, пошли?

– Давай.

– Так как тебе помочь? – Его брови поднялись, в глазах застыло недоумение.

Было бы здорово, если бы вместе с инвалидами шла инструкция, как с ними обращаться, но, к сожалению, ничего подобного пока не придумали, поэтому приходится объяснять каждому отдельно.

– Ручки, – подсказала я, кивая назад.

– Ага. Ручки, – кивнул Мика. Наклонился и взял меня за руки. – А дальше?

– О боже... – Это прикосновение заставило всю кровь в моем организме ударить в лицо. – Я имела в виду... ручки коляски... – пробормотала, заикаясь.

Ладони Мики были прохладными, но меня обдало жаром от касания его кожи. Представляю, какой смущенный у меня был вид в этот момент, если даже собрать слова в предложения стало испытанием.

Я все сидела и моргала, глядя на него, а парень не спешил размыкать наших рук. Моя растерянность готова была смениться шоком, но в следующую секунду Мика громко рассмеялся.

– Конечно, я понял, о чем ты, но видела бы ты свое лицо! – сумел-таки произнести он, все еще пытаюсь успокоиться. – Только ради этого стоило попробовать. – Парень отпустил мои ладони, положил руки на подлокотники и присел. – Прости, у меня беда с чувством юмора. Если я тебя обидел...

– Вовсе нет. – Я стеснительно отвела взгляд в сторону.

– Тогда отлично. – Мика поправил подножки, на которых стояли мои ноги, облаченные в ботинки, вышедшие из моды еще прошлой весной. – Так. Кажется, мы готовы.

– Спиной вперед, – подсказала я.

Он взялся за ручки коляски, развернул ее и подвез к краю верхней ступени.

– Так?

– Да. И осторожно наклоняй на себя. – Я взялась за обручи колес, готовясь к тряске. – Вот так.

На удивление, парень оказался сильным. Две ступеньки колеса инвалидного кресла проглотили мягко и быстро. Я даже не успела понять, как очутилась внизу.

– Круто. Мне понравилось, – слышался голос Мики. – Это даже легче, чем управлять джойстиком.

Хотела бы я подсмотреть за ним в этот момент. Обычно все пыхтели, потели и ворчали себе под нос, помогая мне.

– Спускаться легче, – сказала я. – А вот подниматься... В последний раз, когда в клинике сломался лифт, пришлось просить двух крепких мужчин, чтобы подняли меня на второй этаж. Видел бы ты их красные лица!

– Хм, а я-то думал, что может быть проще и приятнее, чем поездка на коляске. Едешь себе, крутишь колеса, наслаждаешься ветром и скоростью.

Я чуть не поперхнулась, а Мика снова заливисто, по-мальчишески рассмеялся.

– Прости. – Он прочистил горло и направил коляску к дороге. – Итак, сегодня я буду твоим большим верным помощником – почти как в фильме. Куда пожелаете отправиться, госпожа?

– На кладбище, Дрисс, – взмахнула рукой я.

– Отличный выбор! – Мика покатил меня по каменной дорожке, затем провез через калитку и вывез на пешеходную дорожку. – Хотя почему Дрисс? – вдруг задумчиво сказал он. – Может, я буду Магнето²? Или кто там ближе всех был

---

² Все упоминаемые персонажи принадлежат к вселенной «Людей Икс» – серии

к профессору Ксавье?

– Рэйвен? – предположила я.

– Но я же не девушка!

– А я не лысая!

– Зато ты весьма умна, если мне не показалось.

– Тогда будешь моим Церебро.

– Вообще, в комиксах даже Страйкер какое-то время был лучшим другом Профессора Икс. Пока не предал его.

Я прикусила губу и стала крутить руками колеса, несмотря на то что коляска и так двигалась вдоль дороги довольно активно. Оставалось только заполнить чем-то затянувшееся молчание.

– Все-таки я мало похожа на Профессора Икс.

– Тогда переберем имена других известных инвалидов? – спросил Мика. – Кто тебе больше по душе: Джейк Салли из «Аватара», Уилл, который из голливудского фильма про девочку в полосатых колготках, ну... как ее... мать драконов?

– «До встречи с тобой?»

– Наверное.

– Мы, кстати, приехали, – сообщила я. – Поворачиваем туда.

И указала на небольшую рощу справа от дороги.

Парень заставил коляску затормозить.

– Отец сказал, что кладбище недалеко, но я даже не подо-

зревал, что недалеко – это за забором... – тихо произнес он.

– Интересно, что еще не говорил тебе отец об этом городе?

Мы стояли, смотрели на кладбищенскую ограду, на ухоженную аллею с высокими вязами, на ровные ряды холмиков и крестов, и я слышала, как тяжело Мика дышит. Я и сама резко втянула носом воздух и ощутила, как холод оцарапал легкие, словно колючками. Яркое весеннее солнце еще не справлялось с растворенным в небе дыханием зимы.

– Не замерзла? – спросил мой спутник.

Мое горло сжалось, в носу защипало.

– Нет, – соврала я.

– Тогда пошли, – он направил коляску к ограде.

Чем ближе мы подходили, тем сильнее дрожали мои пальцы.

– Кажется, сюда, – указала направление.

Мы прошли через высокие кованые ворота и направились вдоль главной «улицы».

– А тут красиво, – тихо проронил Мика. – Странно, что я вообще не помню этот город.

– Говорят, на него нужно смотреть с высоты птичьего полета. Так будет видно все расположенные вокруг красоты: озера, реки, водопады.

– Когда я услышал про горно-обоганительный комбинат, то решил, что еду в страшное место. Представь: север, маленькая точка на карте, пьющие, чтобы не замерзнуть, люди,

дым выхлопных труб, разруха, мрак.

Я улыбнулась.

– На самом деле зимой здесь не так уж холодно. В основном температура держится около минус пятнадцати, поэтому бывает много снега. Иногда на город нападает «снежный монстр» – местные его так называют. Несколько дней подряд валит и валит снег, и кажется, что это никогда не кончится. Но зато и летом не бывает очень жарко: обычно воздух прогревается градусов до восемнадцати-двадцати, не больше. И конечно, дожди – вот к ним мне труднее всего было привыкнуть.

– Значит, здесь не бывает лета? – расстроено выдохнул Мика.

– Изнуряющей жары – точно нет.

– Как жаль...

– Зато здесь невозможно красивая природа. – Я подняла взгляд вверх, на могучие вязы, случайно встретилась взглядом с парнем и поспешила отвести глаза. – И экологическая обстановка считается одной из лучших в стране.

– Несмотря на комбинат?

– Он в восьми километрах от города. Моя мама работает там инженером взрывных работ, и однажды, когда мы только переехали в Сампо, она возила меня туда. Выглядит это все как небольшая возвышенность, в самое сердце которой вгрызается техника, для того чтобы извлечь полезные ископаемые. Грубо говоря, это огромная каменная воронка, стоя

на краю которой ты видишь уходящие вниз, к центру, ступени каньона, по которым перемещаются крохотные, как жучки, самосвалы, экскаваторы и буровые машины. Ты понимаешь свою ничтожность в масштабах происходящего, и оттого это зрелище потрясает еще сильнее.

– Твоя мать – инженер-взрывник? – удивился Мика. – Это так круто! И так... по-мужски.

– Очень сложная и опасная работа, но мама – высококлассный специалист. Последние десять лет мы много переезжали из-за того, что ее перебрасывали с одного объекта на другой. Сампо – наша последняя остановка. Подозреваю, что не конечная: всем требуются крутые взрывники.

Правда, теперь, глядя на Мику, мне совсем не хочется уезжать.

– Ты так рассказала про этот комбинат, что мне теперь тоже хочется на него взглянуть.

– Он выглядит очень масштабно. И современно. Его строили силами двух стран, как и сам город. Возможно, мне даже будет жаль, если придется уехать отсюда.

– А что еще тут можно посмотреть? Чем занимаются жители? Как отдыхают?

– Вообще, тут рукой подать до Европы, поэтому многие на выходные ездят на ту сторону границы. Другие предпочитают наслаждаться природой: рыбачат, собирают морошку или голубику, отдыхают на Каменном озере...

От произнесенного у меня онемели губы. Заметив, что я

осеклась, Мика замедлил ход.

– Отсо сказал, никто не знает, почему она пошла туда.

– Это так, – хрипло подтвердила я.

– И у тебя нет никаких догадок? Вы же дружили. Он так сказал.

Больше всего я боялась, что парень сейчас посмотрит мне в глаза.

– Оливия говорила, что любит эти места.

– Но должно же быть хоть какое-то объяснение...

– Кажется, нам сюда, – прервала его я, показывая на дорожку, ведущую к рябине.

Мика повернул коляску и направил вдоль тропинки. Колеса вязли в едва начавшей оттаивать земле, и ему приходилось прилагать усилия, чтобы толкать меня вперед. Я тоже старалась помочь ему, но сразу же запачкала рукава грязью.

Мы застыли у небольшой могилки с невысоким камнем, на котором были начертаны имя, годы жизни и рисунок в виде креста. Только в этот момент я осознала, что подойти к могиле можно было и с другой стороны – там была хорошая дорога, и мне не пришлось бы пачкаться, а Мике прикладывать усилия, чтобы везти меня.

Мне стало стыдно, что я плохо запомнила путь, но иначе и не могло быть: я не была на похоронах Оливии. Мне пришлось искать ее могилу тем же вечером в темноте, потому что я приходила, когда кладбище опустело.

– Расскажи мне, – тихо попросил Мика, отпуская ручки

коляски и приближаясь к могиле.

Он смотрел на нее так, будто пытался что-то увидеть через землю.

– Что? – спросила я, поставив коляску на ручной тормоз и с трудом подняв на него глаза.

Взгляд парня потемнел.

Он явно хотел понять то, что мне давно хотелось бы забыть.

– Расскажи мне, как она умерла.

Полтора года назад

За окном мелькают высокие сосны. Бесконечное количество сосен. Миллионы, наверное. Все они тянутся к свету и врезаются верхушками в голубое небо. Мы едем, едем, и путь кажется бесконечным. Река из ярко-зеленых деревьев расступается, позволяя дороге течь прямо сквозь нее, и ни впереди, ни сзади не видно ничего, кроме узкой ленты, тянущейся вдоль этой реки.

– Вот так веселее, – говорит мама, прибавляя громкость.

И Софья, ворча что-то себе под нос, втягивает голову в ворот объемного свитера.

– Спасибо, мам! – улыбаюсь я.

Этот плей-лист я записала специально в дорогу, чтобы скрасить наше длинное путешествие.

Сестра смотрит на меня с презрением и закатывает глаза.

– Дорогая, вот увидишь, тебе там понравится! – улыбается мама, перехватив ее взгляд в зеркале заднего вида.

– Уверена в этом, – рычит Софья, отворачиваясь.

Кажется, маму умиляют ее капризы. Она продолжает с нежностью смотреть на нее и улыбаться.

– Здесь написано, что Сампо находится недалеко от се-

верной границы, — зачитываю я строчку из путеводителя.

Мне приходится говорить громко, чтобы заглушить музыку.

— У черта на куличках, — цедит сквозь зубы сестра.

Могла и промолчать. Все помнят ее тираду, вызванную известием о новом переезде. «Почему не на Дальний Восток, мам? Почему не на Луну? — билась в истерике она. — Я только привыкла к новому месту, только завела здесь друзей!»

Как будто нельзя побереечь нервы матери. Почему нужно всякий раз устраивать скандал?

— А еще здесь девственно-чистая природа, — с энтузиазмом добавляет мама. — Представляешь, как здорово, Сонь? Мы сможем рыбачить, ходить в походы, гулять в лесу и на озерах!

Софья закатывает глаза, понимая, что ничему из этого не суждено будет сбыться.

Суть работы нашей матери такова, что она практически не бывает дома. Если не сидит над чертежами и расчетами, то проводит суперсложные и суперопасные взрывные работы на объекте. А если не работает и не сидит над чертежами, то спит, выпив перед этим пару бокалов горячительного для того, чтобы расслабиться.

В ее суперважном и суперплотном графике нет места для детей, и мы не имеем права на это обижаться, потому что наш отец умер десять лет назад, и все это время мать пашет как заведенная, чтобы обеспечить нам достойную жизнь.

– Супер, – отзывается сестра, вновь натягивая ворот свитера до самых глаз.

– А мне не терпится там оказаться, – улыбаюсь я, чтобы подбодрить маму.

Понимаете, так бывает в жизни: один ребенок получает любовь по праву рождения, а другому приходится очень стараться, чтобы ее добиться. И не всегда получается. Но я не теряю надежды, поэтому вынуждена зарабатывать очки.

Софья родилась слабой и недоношенной. Мама все детство сдувала с нее воображаемые пылинки, вилась коршун, боясь, что дочь простынет, упадет, ударится, поранится, заразится и прочее-прочее-прочее. Она прощала ей любые шалости, а с годами и оскорбления. И в то время как она надышаться не могла на мою сестру, мне приходилось из шкуры вон лезть, чтобы обратить на себя ее внимание.

Я училась на «отлично», радовала ее хорошим поведением, во всем старалась угодить, помогала с уборкой и хозяйством, не перечила, стойко выслушивала критику, а Софья бунтовала, злословила и таскала из школы вечные тройки и неуды.

Я старалась максимально облегчить наполненную стрессом жизнь матери, переступала через себя, чтобы не расстраивать ее, и часто отказывала себе в самом необходимом. А Софья в это время спокойно транжирила карманные деньги на конфеты, косметику и сигареты. Она тянула из матери деньги на новые шмотки и топала ногами, если та не спешит.

ла ей угождать.

Я делала все, чтобы заслужить любовь матери, но все равно была недостаточно хороша. Мама словно не видела меня, смотрела куда-то сквозь. Все ее разговоры были лишь о Софье: о ее трудностях, о ее будущем, о ее мечтах. А меня будто и не существовало в их вселенной.

Всегда улыбчивая, вежливая и добрая Анна. Она с легкостью справлялась со школьной нагрузкой, никогда не доставляла проблем и не нуждалась в похвале. Она молчала, видя, как сияют глаза матери при взгляде на сестру. Она обижалась, не понимала, но не теряла надежды, что однажды ее все-таки заметят.

Бедная Анна – она так устала быть невидимкой в собственной семье, что стала противна самой себе.

Но не отчаялась.

Если быть еще лучше, если стараться еще усерднее, однажды мама непременно обнимет ее и скажет, как сильно гордится ею и как любит.

Однажды.

– Смотрите, указатель! – восклицаю я.

И хлопаю в ладоши.

Мама улыбается. Ее радует, что хоть кто-то из нас доволен переездом.

Мы въезжаем в Сампо.

Софья тяжело вздыхает, а я с интересом разглядываю мелькающие за окном строения, вывески магазинов, по-ев-

ропейски широкие улицы, уютные дворики и еще не догадываюсь, что меня здесь ждет.

Мы проезжаем через весь город и не без труда находим арендованный для нас компанией дом. Он располагается в небольшом, спокойном районе среди таких же одно- и двухэтажных домов с красно-коричневыми крышами и большим количеством узких окон. Здесь уютно, тихо, и все подчинено одному стилю. Это сильно отличается от того, что мы привыкли видеть в других городах страны.

Я выскакиваю из машины и с визгом бросаюсь к дому, а мама выбирается неспешно и замирает, ожидая, когда салон покинет ее ненаглядная Несмеяна.

Пока я достаю из-под коврика ключ и вожусь с замком, Софья наконец соизволяет выйти из автомобиля и со скорбным выражением на лице оглядеть наше новое жилище.

– Отстой, – морщится она, запахивая плотнее широкий плащ.

– Тебе нужно просто приглядеться, детка, – успокаивает ее мама. – Здесь живут чудесные, милые люди.

– Может, не чудесные, а чудные? – уточняет сестра, заведя в окне дома напротив старуху в ночной рубашке и с точно таким же недовольным выражением на лице, как у нее самой.

– Добрый день! – кивает мама нашей будущей соседке. Но та лишь резко запахивает шторы.

Я стою у открытой двери и смеюсь над этой картиной. В каждом городе свои чудачки и свои особенности. В этом мне нравится, что он не такой, как все. Ты будто очутился на другой планете.

– Пойдемте в дом! – кричу я.

Вхожу внутрь, бегло осматриваю интерьер гостиной и кухни, а затем мчусь наверх, чтобы занять лучшую комнату.

Ею оказывается большая, светлая спальня, окна которой выходят на дом соседей справа. С этой точки, как с наблюдательной башни, виден весь город: вон там современная застройка, дальше центр города, парк, а вон на том клочке, вдалеке, несколько советских блочных пятиэтажек – они выделяются на теле города блеклым серым пятном, словно чужие. Их, видимо, возвели на скорую руку в ту пору, когда Сампо активно застраивался.

Даже старые финские многоквартирные типовушки, мимо которых мы проезжали, въезжая в город, смотрелись надежнее и современнее этих.

– Дорогая, может, ты возьмешь хотя бы пару сумок? – слышится голос мамы.

– Брось, занесем их позже, – отвечает Софья.

– Хорошо, тогда я сама.

– Я же сказала, давай потом!

– Но, детка...

Раздаются шаги на лестнице.

– Эта комната уже занята, – сообщаю я, когда сестра от-

крывает дверь и скользит взглядом по белым стенам.

Пусть берет себе дальнюю, окна которой выходят на лес и окраину. Ей и так всегда достается все самое лучшее, полезно будет ощутить себя проигравшей.

Софья молча захлопывает дверь и идет дальше.

А я с довольным видом оглядываю свою новую спальню. Мне нравится, что она превосходно меблирована, просторна и светла. Есть где развернуться, ведь прежде у меня никогда не было такой большой собственной комнаты.

Я бросаю рюкзак на стул и подхожу к напольному зеркалу. С новой стрижкой, открывающей шею, я смотрюсь совсем взрослой. Неплохо было бы добавить к этому образу юбку покороче, открытый топ и, скажем, пирсинг в носу? Нет, такого мама мне не позволит.

Я спохватываюсь:

– Мам, давай помогу!

Спускаюсь и заношу в дом из машины остатки вещей.

– С каждым разом это все труднее и труднее, – подытоживает мама, закрывая дверь и проводя тыльной стороной ладони по лбу. – И откуда у нас столько барахла, не знаешь?

– У тебя две девочки-подростка, – напоминаю я.

– Точно.

Подхожу ближе и заключаю мать в объятия. Ее руки смыкаются на моей спине, а затем тут же размыкаются:

– Так, нужно же еще занести продукты и приготовить что-нибудь на ужин.

– Лучше отдохни, а я позвоню в службу доставки. закажем пиццу в честь переезда?

– Пиццу? – Она задумывается всего на мгновение. – Ты забыла про желчный Софьи?

– Нет.

Как я могла забыть? Все в этой семье подчинено либо Софье, либо ее желчному. Каждый чих.

– На заднем сиденье пакет с овощами, приготовим что-нибудь полезное.

– Я схожу, – кисло говорю я.

– Спасибо.

Выйдя на улицу, вдыхаю прохладный воздух. На календаре конец августа, но, бьюсь об заклад, здешний ветер уже пахнет осенью и прелыми листьями.

Я подхожу к машине, беру пакет с продуктами и еще раз смотрю на наш новый дом.

Делаю снимок и мгновенно публикую. «Теперь в Сампо», – подписываю его. И пока ветер треплет мои волосы, наблюдаю за тем, как загораются сердечки: друзья с предыдущих мест жительства ставят мне лайки.

Не сказать, что я была особо популярна там, где жила и училась прежде, скорее – держалась крепким середнячком, но с парой-тройкой сверстников всегда находила общий язык и поддерживала общение в сети. Вот и сейчас, получив комментарий: «Ух, ты! Где это ты? Так красиво!», я отвечаю: «Продолжаю колесить по стране». Задумываюсь и став-

лю смайлик, который должен добавить пару очков к моей крутости.

Отправляю, а затем сжимаю зубы. Снова незнакомый город, чужие люди, новая школа, снова нужно привыкать, пытаться адаптироваться, подстраиваться, вникать в новую программу образования, общаться со сверстниками, искать среди них место для себя, ассимилироваться.

«А-а-а-а-а!»

Это ад.

И почему я не могу топнуть ногой, как Софья, и сказать все это вслух?

Почему я вечно жалею маму и стараюсь не доставлять ей неудобств?

– Привет! – отвлекает меня от мыслей чей-то тонкий голосок.

Я оборачиваюсь.

У калитки стоит девушка. Невысокая, худощавая, на вид моего возраста. В глаза сразу бросается ее одежда – она как из прошлого века. Коричневая кофта, застегнутая поверх белой блузы на все пуговицы, старомодная вязаная юбка клиньями, плотные колготы и туфли на ремешке, как символ возвращения в детство.

– Привет, – отвечаю я настороженно.

И несмело подхожу ближе.

– Меня зовут Оливия, – улыбается она и протягивает через калитку руку. – Оливия Ярвинен. Я живу в соседнем до-

ме. Вон в том.

Ветер треплет ее тонкие светлые волосы, и я вдруг ловлю себя на мысли, что девушка хоть и выглядит странно, но есть в ней что-то такое... потустороннее, что ли. Ее необычная северная красота, та, от которой захватывает дух.

– Красивое имя, – говорю я, пожимая ее руку. – А я – Анна.

– Здесь полно таких, – хихикая, девушка склоняет голову набок. Совсем как любопытная птичка. – Имею в виду, имен. Ты же новенькая, да? Вы только въехали в этот дом?

– Собственно говоря, да, – отвечаю я, потрясая бумажным пакетом, наполненным овощами и лотками с филе индейки. – Мы приехали минут пять назад.

– Откуда?

Я пожимаю плечами.

– Отовсюду сразу – нас помотало по стране за последние годы, но в основном по центральной ее части.

– Ого! Впечатляет! Наверное, это так захватывающе – путешествовать.

Внутренне меня передергивает, но вслух я произношу:

– Да, неплохо. Временами интересно.

– Значит, тебе понравится в Сампо. Хочешь, я тебе все здесь покажу?

Вообще-то нет. Я еще переживаю вынужденный переезд, и мне требуется время, чтобы привыкнуть к новому месту. Хотя бы пара дней, и уже потом можно начинать общаться с

местными. Но моя новая знакомая говорит с таким энтузиазмом, ее глаза так горят, что у меня не получается отказать.

– Конечно, – бормочу я.

– Тогда договорились, – радостно кивает она. – Здесь есть чему удивиться, и это не только северные имена жителей. Хочешь побывать на Каменном озере? Я попрошу папу нас свозить!

– Озеро?... – Боже, почему она нарвалась на меня, а не на Софью? – Озеро... Звучит заманчиво.

– Отлично! Тогда скоро увидимся!

– Хорошо, – киваю я.

– Всего доброго! – машет мне Оливия.

Она продолжает улыбаться, и мне приходится делать то же самое.

– Счастливо! – Я машу ей в ответ.

Отворачиваюсь и направляюсь к дому, спиной чувствуя ее взгляд.

– Пока! – бросает она, когда я подхожу к двери.

– До встречи, – отвечаю я и спешу скрыться в доме.

– У тебя новая подружка? – хмыкает Софья.

Она кладет в рот чипсы и звонко хрустит ими, лежа на диване посреди гостиной. И вот для этого человека уставшая после долгой дороги мать собирается готовить полезный ужин?

– Соседская девочка, – сообщаю я. – Зовут Оливией. Фамилию даже не вспомню, язык сломаетшь.

– Ты познакомилась с кем-то? – выглядывает с кухни мама.

– Да, – киваю, передавая маме пакет, – с соседской девчонкой нашего возраста. Она милая и вежливая. – Поворачиваюсь к сестре: – А ты боялась, что здесь все чудные.

Софья даже не пытается прятать чипсы, и мама, заметив блестящий пакет, обиженно вздыхает:

– А это что еще такое, Сонь? Ты где их раздобыла?

– Купила на заправке!

– Ты же знаешь, что бывает, когда ты ешь вредную еду?

– Знаю, мам, но я *хочу*!

– А ну, дай сюда!

Они не прекращают пререкаться, даже когда я поднимаюсь наверх и закрываюсь в ванной. Мне нужно принять душ. С удивлением обнаружив в ванной комнате окно, я встаю на цыпочки и смотрю сквозь стекло: отсюда видно дом тех самых соседей с непроизносимой финской фамилией.

Я задерживаю занавески, включаю воду, разглядываю узоры на настенной плитке и вспоминаю, как говорила со мной соседская девчонка. Чисто, без акцента. Может, здесь так модно называть детей? Необычными именами. Или город наводнен эмигрантами? Или все настолько смешалось, что уже не ясно, где свои, где чужие? А может, здесь нет чужих, и все свои, и гостеприимство – их конек?

Я встаю под горячие струи воды, закрываю глаза и воссоздаю в памяти образ соседки. Наверное, мне хотелось бы

быть такой, как она. Особенной. И я не про длинные светлые волосы и глубокие синие глаза. И не про необычное, красивое имя. Я про ее лицо и про этот взгляд, который удерживает тебя, словно магнитом, – смотришь и понимаешь, что человек особенный.

Не то что Анна: серые волосы, серые глаза, все серое. Такой легко затеряться в толпе. И даже выделиться нечем. А Анне так хотелось бы стать особенной. Хотя бы на миг.

На следующий день мы едем осматривать окрестности. Сампо, похоже, подобрал в себя лучшие черты европейских городов, оставшись при этом истинно русским: гладкие асфальтированные дороги, вежливые водители, улыбчивые жители. Памятники, ухоженные дворы, бассейн, кинотеатр, торговые центры и здание полиции – поистине грандиозное строение для такого уютного городка. Есть на что посмотреть.

Но что больше всего поражает – стеклянные двери подъездов. Не разбитые, не исписанные, не грязные. И никаких двухслойных металлических дверей, как в центральной части страны, а ведь тут, по сути, север!

И чем больше мест мы проезжаем, тем сильнее становится ощущение, что мы попали в какой-то другой мир. Те же люди, то же государство, но все иное. Кругом так чисто, и все на своих местах. Здесь так хорошо убирают? Или просто не мусорят?

Одни вопросы.

Да и стоит город будто посреди леса: вокруг очень много зелени. Кажется, что строители возводили дома между деревьями – осторожно, чтобы не потревожить природу.

– Мама, белка! – восклицаю я, опуская стекло в машине. – Смотри! Смотри!

И пушистая перебегает широкую пешеходную дорожку, испуганно оглядываясь на нас.

– Что ж ты как маленькая? – бурчит Софья. – Белок не видела?

А сама только что, вытянув шею, за ней наблюдала.

Но я не обращаю на сестру внимания: привыкла, что ее все вокруг всегда раздражает.

– Что там на карте? – спрашивает мама.

– Нам направо, – командую я.

И неотрывно слежу за площадью, которую огибает наш автомобиль. Здание банка, кафе, цветочный магазин, много окон, света и парковочных мест для велосипедов. Похоже, что все здесь передвигаются на них, ведь на дорогах очень мало машин.

– Какая красота... – вздыхаю я.

– Мра-а-ак, – отзывается Софья.

Мы как две противоположности: все, что меня восхищает, раздражает ее.

Я оборачиваюсь, вглядываюсь в лицо сестры: на неумело подведенные синим карандашом стрелки, на слипшиеся от туши ресницы, на густо покрытое тоном лицо, и понимаю, что, несмотря на год разницы в возрасте, она совсем еще ребенок.

– И почему тебе нужно все время все ругать? – сетую я.

– И почему тебе нужно все время строить из себя святую простоту? – пародируя мою интонацию, вопросом на вопрос

отвечает Софья.

– Девочки, прошу вас! – повышает голос мама.

– Пусть не рычит, – отворачиваюсь я.

– Пусть помолчит, – язвит сестра.

– Анна! – громко говорит мама.

– А почему сразу я? – у меня не получается сдержать возмущение.

Софья ехидно хмыкает.

– Потому что ты старше.

Я отворачиваюсь к окну.

Скольжу взглядом по музеям, старинным избам, часовням с резным орнаментом. Интересно, чем здесь живет молодежь?

Мы приезжаем на комбинат. Пока мама общается с новым начальством, а Софья валяется на заднем сиденье машины с телефоном в обнимку, я подхожу вплотную к железорудному карьеру. Он кажется невероятно огромным. Я на его краю, как мушка на оконном стекле, – мелкая точка. Сердце стучит у меня в ушах, дыхание перехватывает. Я застегиваю замок на толстовке до самого подбородка и осторожно пячусь.

Предпоследним пунктом нашей поездки оказывается школа. Здание гимназии двухэтажное, с большими квадратными окнами, со всех сторон окруженное высокими соснами. Вдоль территории тянутся клумбы, ухоженные газоны,

через каждые десять метров встречаются скамьи для отдыха учеников.

– Неплохо, – констатирует мама. – Совсем неплохо.

Она улыбается, пытаясь заразить нас оптимизмом, и я решаю ее поддержать:

– Выглядит намного круче нашей предыдущей школы.

Софья фейспалмит.

– Да это настоящий отстой! Это здание похоже на здание детского сада!

– Потому что здесь нет укромных уголков для курения? – усмехаюсь я.

– Анна! – одергивает меня мать.

А сестра показывает средний палец и закатывает глаза.

– Добро пожаловать в Сампо, девочки, – приветствует нас директриса, когда мы заходим к ней в кабинет. – Меня зовут Лидия Егоровна, и я руковожу этим учебным заведением.

– А это Анна и Софья, – представляет нас мама.

Будто сами мы не можем открыть рот и рассказать, как нас зовут...

– Наша гимназия придерживается высоких образовательных стандартов, и у нас высокие требования к ученикам, – предупреждает нас директриса. – Но я видела ваши табели успеваемости и думаю, что вы справитесь. – Она провожает нас к секретарю: – Проходите. Каарина поможет вам оформить документы и написать заявления.

– Спасибо! – горячо благодарит мама.

Я останавливаюсь у окна и представляю, как через несколько дней сюда потянутся толпы учеников и как двор наводнят десятки и сотни людей.

– Если бы мы родились здесь, – шепчет сестра, – как бы мама назвала нас? Мне больше нравится Хелена.

– А меня вполне устраивает мое имя, – отвечаю я.

– Аннели звучало бы приятнее.

– В школе предусмотрена форма для учащихся? – интересуется у секретаря мама.

Очевидно, ее беспокоит то, что Софья стала интересоваться экстравагантными нарядами.

– Для девушек это синий сарафан или синий пиджак с гербом гимназии, – поясняет Каарина, милая женщина лет тридцати с неизменной для жителей этих мест улыбкой. – А под них ученицы могут носить любую свою одежду. – Она смотрит на подведенные синим глаза Софьи и добавляет: – В рамках приличий, разумеется.

– Чудесно.

Когда мы возвращаемся домой, на дороге нам попадается Оливия.

– Здравствуйте! – радостно приветствует она мою маму. – Я – Оливия Ярвинен. – Затем машет мне: – О, привет, Анна! А это твоя сестра?

Я бросаю взгляд на Софью, которая выбирается из машины и показывает соседке «козу» из пальцев.

– Софья, – представляется она и движется к дому.

Не очень-то вежливо.

– Да, – виновато киваю я.

Оливия понимающе улыбается. Она светится так, что кажется, будто ничто в этом мире не способно ее расстроить.

– Здравствуйте, я Виктория, – здоровается с ней моя мама. – Значит, ты наша соседка?

– Да.

– А сколько тебе лет?

– Шестнадцать, – отвечает Оливия.

– Как моей Анне.

– Мы с отцом живем по соседству с вами. – Девушка указывает на дом. – Заходите, если нужна будет помощь, мы всегда рады гостям.

– Это так любезно. Спасибо, – кивает мама.

– Какие планы? – подходит ко мне Оливия.

Я пожимаю плечами.

– До ужина еще далеко, – говорит мама, взглянув на часы. – Сходи прогуляйся с Оливией.

Только не это.

– Да, Анна, пойдем, я покажу тебе город!

– Конечно, – улыбаюсь я.

И стискиваю челюсти так, что у меня скрипят зубы.

– Отсо, – представляется мужчина и жмет мне руку.

Это папа Оливии. Ему лет сорок, у него светлые волосы, едва тронутые сединой, яркие синие глаза и гладкое лицо, практически лишенное даже мелких морщин.

В отличие от своей «неземной» дочурки Отсо Ярвинен кажется совершенно обыкновенным.

– Очень приятно, Анна, – стараюсь быть вежливой, улыбаюсь я.

Интересно, у него есть отчество? Вообще-то я не привыкла обращаться к взрослым только по имени.

– Уверен, вам тут понравится, – говорит он.

– Папа, мы возьмем второй велик? – хлопает ресницами Оливия.

Отсо на секунду задумывается, а затем его губы растягивает улыбка:

– Конечно.

– Идем, – тянет меня за собой Оливия.

Мы проходим через коридор и попадаем в гараж.

– Он был где-то здесь... – говорит девушка, отодвигая коробки от стены. – Вот же он, да!

– Что там?

– Велосипед.

Она вытаскивает из-под пыльной рухляди старый синий

велик и осторожно отсоединяет подарочный бант, привязанный к рулю. Тот тоже весь в пыли, и я почему-то не спрашиваю, зачем и когда его привязали. Оливия быстро протирает мягкой тряпкой руль, раму и сиденье, и я вдруг понимаю, что велосипед совсем новый, просто пролежал в гараже слишком долго.

– Ты поедешь на нем. Попробуй. – Подкатывает его ко мне соседка.

Я примеряюсь к железному коню. Кажется, мой размерчик. Пробую клаксон, и тот отзывается звонким гудком.

– А я на этом, – говорит Оливия, хватая велосипед, стоящий ближе к двери.

У него ярко-розовая рама, и вообще он выглядит девчачьим в отличие от того, что достался мне.

Соседка открывает гаражные ворота, мы садимся на велики и выезжаем.

– Догоняй! – звенит голос Оливии.

Но у меня не сразу получается приноровиться. Ветер свистит в ушах, щиплет щеки, рвет волосы, но уже спустя минуту я кручу педали с таким же напором и рвением, что и моя спутница. Несмотря на свой странный наряд (сегодня на ней другая длинная юбка, другой бесформенный свитер) и на неудобные чуни вместо нормальных туфель, Оливия довольно ловко управляет велосипедом. У меня не сразу получается поравняться с ней.

Мы пролетаем мимо каких-то домов, магазинов и только

на перекрестке перед горкой сбавляем ход.

– А там кладбище, – бодро сообщает соседка, – говорят, на его месте раньше была церковь, которую сожгли шведские завоеватели. Оставшиеся в живых утопили шведов в озере!

Круто. Оказывается, я живу недалеко от кладбища.

– Интересная легенда.

– Сюда вообще приезжает много любителей старинных легенд, – смеется Оливия. – Тебе повезло поселиться в волшебном месте, Анна!

Я уже так не думаю. Но вслух говорю:

– Круто!

– Если верить преданиям, Сампо – волшебный предмет, обладающий магической силой и являющийся источником счастья или рогом изобилия. В карельских рунах Сампо представлен в виде волшебной мельницы, в финских преданиях это ось всего мироздания. Похищение Сампо – центральный сюжет «Калевалы», карело-финского эпоса.

– Чего?

– Во время учебы я помогаю в библиотеке, так что достану тебе экземпляр. Говорят, что, разбираясь в «Калевале», можно сдать на «отлично» не только историю и литературу, но и алгебру. Наши учителя уважают тех, кто чтит местную культуру, и, поверь, это не пустые слова. Будешь знать «Калевалу», сдашь и любой другой предмет.

– Ничего себе, – равнодушно отзываюсь я.

Слабо представляю, как какой-то там эпос поможет мне

сдать физкультуру или, например, химию.

Но Оливию это мало беспокоит: она продолжает увлеченно рассказывать о местных легендах, обычаях, чудесных озерах и заповедных территориях.

Честно говоря, я не знаю, как реагировать, потому что в любых других городах мои сверстники начинали рассказы о своей родине с того, что описывали все интересные места, в которых можно было вкусно поесть, послушать музыку, потанцевать или посмотреть новинки кинопроката. Никто из них никогда не вел со мной беседы о природе, свежем воздухе, богатой растительности и не звал меня в поход на речку.

– Так, значит, ты подала документы в гимназию? – уточняет Оливия, когда мы, сделав два круга по городу, изможденные возвращаемся домой.

– Да, меня зачислили в десятый класс.

– Это потрясающе! Выходит, мы будем учиться вместе? – бросив велик, она обнимает меня.

И я неуклюже хлопаю ее ладонью по спине.

Еще никогда незнакомцы не проявляли такую искреннюю радость от того, что им светило времяпрепровождение со мной.

– Спасибо, что показала мне Сампо, – говорю я, когда мы размыкаем объятия.

Глаза Оливии загораются светом – так, будто ее пьянит сама жизнь.

– Если ты не очень-то любишь жару, то тебе непременно

понравится здесь, – смеется она.

Я еще никогда не видела человека, который бы каждую минуту выглядел абсолютно, неутомимо и полноценно счастливым.

– И спасибо за велик, – добавляю я.

– О нет, оставь пока у себя, – отмахивается соседка. – Думаю, он будет полезен тебе до наступления холодов. Здесь, конечно, ездит автобус, но гораздо лучше для здоровья добираться в школу на двухколесном.

– А, ясно, – киваю я. – Тогда вообще – огромное, большое-пребольшое спасибо.

– Всегда пожалуйста, – подмигивает она.

И мы расходимся.

В последний день перед учебой мы отправляемся с Оливией и Отсо на Каменное озеро. Моя соседка ужасно возбуждена поездкой, она приводит ее в дикий восторг. Оливия без умолку трещит о том, как мне понравится. Девушка так красноречива, что я и сама начинаю верить в то, что все так и будет.

– Это озеро ледникового происхождения, поэтому вода в нем настолько чистая, что слепит глаза! – тараторит Оливия, пока мы тащимся на машине по извилистой грунтовой дороге, утопающей в высоких деревьях.

Я уже поняла, что она буквально помешана на озерах. Вероятно, из-за связи с фамилией – *järvi* переводится с финского как «озеро».

– Сегодня лучше всего будет клевать лосось, – сообщает нам Отсо.

А я в это время думаю о том, чем же занимаются мои друзья в городах, где мы успели пожить в последние годы. Жаль, что здесь не ловит интернет.

Когда внедорожник замирает у берега, я спешу выбрать-ся на свежий воздух. Застегиваю куртку и оглядываюсь. Под нашими ногами валуны, вниз по склону – блестящая водная гладь, и стройные сосны отражаются в ней густой, ровной порослью. Зрелище захватывает дух, и я сразу же убеждаюсь,

что Оливия не преувеличивала: озеро настолько прозрачное, что отражающееся в нем небо буквально выстилает дно.

– Вода, которая течет из канов в Сампо, – отсюда, – с гордостью говорит Оливия.

– Какое оно тихое, – выдыхаю я. – Озеро.

– Это обманчивое впечатление, – усмехается Отсо, доставая из багажника удочки. – Если поднимется ветер, будут сильные волны.

– Идем, прогуляемся! – зовет меня за собой соседка.

– Только недалеко, Оливка! – предупреждает ее отец.

– Мы тут, вдоль берега, пап.

Он зовет ее Оливкой. Надо же. В моей груди разливается незнакомое тепло. Интересно, как бы звал меня отец, будь он жив?

– Переживает, что встретим животных, – поясняет Оливия.

– Кого, например? – Я перебираю в голове животных севера. – Оленя?

– Или волка, – спокойно говорит она. – Или медведя.

– Может, тогда не стоит отходить далеко? – тарашусь на нее я.

– Мы по берегу, – смеется Оливия, переступая с валуна на валун.

Она явно тут в своей стихии, а вот мне с непривычки хочется оглядываться и ступать осторожнее. Не доверяю я скользким резиновым сапогам.

– В окружении леса мне всегда уютно, – объясняет Оливия. – Не бойся, Анна, прыгай сюда!

Она подзывает меня, и я, стараясь сохранять равновесие, перебираюсь с одного камня на другой.

– Почему? – спрашиваю я. – Единение человека с природой тебя так заводит?

– Когда мама была жива, мы часто ездили сюда всей семьей. – Ее голос звучит глухо и надтреснуто.

Очевидно, эти воспоминания ее ранят.

Я поднимаю взгляд, но вижу, что девушка улыбается. Ее глаза светятся теплом.

– Сколько тебе было, когда она умерла?

– Восемь. – Ее губы дрожат. – Рак. Мама боролась три года. Она настоящий боец.

– Мне жаль, – тихо говорю я. – Прости.

Мой отец умер от сердечного приступа, когда мне было шесть. Может, я была слишком мала, чтобы воспринять ситуацию так, как Оливия. По крайней мере, улыбка не держится на мне, точно приклеенная.

– Я часто прошу папу привезти меня сюда или на любое другое озеро, чтобы вспомнить, как мы отдыхали на природе все вместе. Тут и в лесу я *слышу* маму. – Оливия останавливается и смотрит на меня так, будто сейчас, в этот самый момент, открывает мне нечто сокровенное. – В шуме ветвей, скрипе стволов деревьев, в плеске воды, в криках птиц – мне кажется, я слышу ее голос везде. Я прихожу сюда, чтобы по-

говорить с ней. Спрашиваю и слушаю, что она ответит.

Надеюсь, она шутит.

Мои брови невольно поднимаются, но я делаю над собой усилие и понимающе киваю.

– Может, не пойдем дальше? – опасливо озираюсь я на лес.

Не хотелось бы встретиться с медведем, если честно.

– Хорошо, – соглашается Оливия.

Мы шлепаем по камням обратно.

– Ты верующая? – спрашиваю я, заметив серебряный крестик, показавшийся из-под ее воротника во время очередного прыжка с камня.

Девушка опускает взгляд и сжимает его в ладони.

– А ты – нет?

Я жму плечами.

– Не знаю.

– А во что тогда ты веришь?

Этот вопрос застает меня врасплох.

– Ну... Наверное, есть какие-то высшие силы. – Мама крестила нас, когда мы были еще детьми. Сейчас я понятия не имею, где мой крестик и есть ли он вообще. Для нас, как и для других семей, крещение осталось лишь обязательным ритуалом из прошлого. – Я верю в высшую энергию, которая уравнивает добро и зло. Как-то так.

– Значит, ты веришь в Бога.

– Разве?

– Да.

– А ты? Ты веришь в загробную жизнь? – У меня не получается удержаться от усмешки.

– Я не боюсь умереть, – улыбается Оливия и прячет крестик обратно, за воротник.

– И для чего тебе крест?

– Я верю, что он меня защитит.

От медведя навряд ли.

– От всего? – скептически оглядываю ее я.

– От всего, – с жаром отвечает она.

В тот момент я все еще продолжаю считать этот разговор ничего не значащим. Мне смешно. Оливия, конечно, неплохой человек, но она очень наивна. И ей еще взрослеть и взрослеть.

В первый же учебный день Сампо обнажает передо мной свою неидеальность.

Обычно, оказываясь в новом коллективе, я стараюсь выглядеть достаточно милой, чтобы показать, что настроена на общение, но при этом достаточно сильной, чтобы подать сигнал тем, кто постарается продавить меня, если обнаружит хотя бы намек на слабость.

В любой школе царят законы джунглей – выживает сильнейший. Даже если с виду все ученики равны, в какой-то момент все равно происходит что-то, что закладывает предпосылки к разлому – разделению на классы, группки, сословия или шайки. Если в классе все тихо, значит, вам это только кажется. Всегда есть те, кто сильнее и наглее, и те, кто будет им противостоять или тихо подчиняться.

В одной из школ, в которых мне довелось учиться, не было стычек между учащимися, но только потому, что все они, сплотившись, выступали против учителей. Не было, например, ничего зазорного в том, чтобы оскорбить преподавателя, пнуть ногой по его столу и выйти из кабинета, громко хлопнув дверью. И ты всегда знал, что одноклассники тебя поддержат, что учитель никому не пожалуется, а директор сделает вид, что даже не слышал об инциденте.

В другой школе ученики делились на группы в зависимо-

сти от благосостояния их родителей, и выгоднее всего было держаться среди середнячков.

А в третьей двоечники из трущоб держали в страхе ботаников из обеспеченных семей. Зашуганные мажоры – кто бы мог себе такое представить? Но я видела это собственными глазами.

К шестнадцати годам я сменила четыре школы. Гимназия в Сампо стала пятой, и я примерно понимала, чего стоит ожидать.

Всего. Чего. Угодно.

– У нас отличные ребята, – успокаивает меня Оливия, когда мы идем по длинному школьному коридору мимо раздевалок.

Верится слабо.

Я оглядываю встречающихся на пути учеников и вытираю липкие ладони о ткань синего сарафана. Почему мне всякий раз приходится это переживать? Давно пора привыкнуть, но нет – никак не выходит.

Я вспоминаю о Софье, которая все утро ворчала, примеря сарафан и называя его дешевой стремной тряпкой. Что ж, ей вписаться в окружающую среду будет еще труднее – что, если честно, не может меня не радовать.

– Нам сюда, – тянет меня в кабинет Оливия.

На ней такой же сарафан, как и на мне, только под ним толстая белая водолазка с высоким воротом. В такой при желании можно спрятать лицо. А я уже жалею, что надела под

сарафан футболку: мне не холодно, но спрятаться подальше от посторонних глаз не помешало бы.

Первым уроком – литература. Учительница, заметив меня, подзывает к доске и представляет всему классу.

Я как чуткий радар считываю выражения лиц и позы присутствующих, анализирую, кто как одет, и делаю предварительные выводы. Обычно это помогает понять, стоит ли опасаться кого-то и от кого можно ожидать удар исподтишка. Обычно только к концу первой недели удастся распознать, кто есть кто, и немного расслабиться.

Я никогда не была в числе тех, над кем надсмехались или кого обходили стороной, и мне хотелось бы, чтобы так было и дальше.

Но вот насчет Оливии я не уверена – на ней все еще были ее ужасные недоботинки-недотуфли. А за такие старомодные штиблеты в моей, к примеру, предыдущей школе ее давно бы уже подняли на смех все кому не лень.

– Рада представить нашу новую ученицу... – учитель, пожилая женщина в толстых очках, запинаясь и отправляется за подсказкой: смотрит в бумаги. – Анну Романову.

Я внимательно считываю реакцию класса. Кто-то равнодушен, кто-то смотрит с интересом, а кто-то презрительно хмыкает.

– Добро пожаловать, Анна, садись.

Я, вцепившись в сумку, пробираюсь меж рядов к Оливии и сажусь рядом с ней за четвертую парту.

Ребята шепчутся, оглядываются на нас, некоторые приветственно улыбаются. На задней парте кто-то присвистывает, и я с трудом удерживаюсь от того, чтобы не обернуться и не посмотреть, кто это.

– Буду банальной, но... Давайте придерживаться традиций, – говорит учитель, имени которого я все еще не знаю. – Открывайте тетради и записывайте: Сочинение. Как я провел лето.

– Не-е-ет, – стонет класс.

Все возмущены, но все же покорно щелкают замками сумок, шелестят тетрадями и достают ручки.

– Не нужно объемных работ, главное – суть. Расскажите, чем запомнились вам эти месяцы, как вы отдохнули, что сделали полезного, – монотонно объясняет учитель. – Ваша задача – вспомнить, что значит держать в руке ручку, и заставить работать ваши мозги.

– А если я не сделал ничего полезного? – раздается голос позади нас.

Мне ужасно хочется обернуться и увидеть, кому принадлежит этот низкий, хриплый голос.

– Тогда напиши, что ты сделал полезного для себя, Кай. Себя-то ты любишь, в этом я уверена.

– И все-то вы обо мне знаете, Елена Владимировна, – смеется он.

Учитель качает головой.

– И догадываюсь, что ты не прочел ни одной книги за лето.

Это так, Турунен?

– Что вы, я читал «Калевалу»! Каждый день перед сном. Даже спал, положив книгу под подушку!

Класс смеется, а я жалею, что не вижу его лицо в этот момент. Судя по голосу, этот Кай Турунен весьма доволен собой.

– Значит, будешь экспертом по «Калевале» в этом году, – ехидно поднимает бровь учитель. – Подготовь доклад к завтрашнему уроку. Расскажешь историю создания этого легендарного эпоса.

Класс встречает слова учителя новым взрывом хохота, а парень отзывается с задней парты недовольным мычанием.

– Все, довольно. Больше не отвлекаемся! – призывает к порядку преподаватель. – Постарайтесь уложиться в сорок минут, время пошло.

Она отворачивается к окну, и в этот момент над моей головой пролетает бумажка. Я вздрагиваю от неожиданности, но Кай ловко перехватывает ее прямо над моим правым ухом.

Сначала я вижу его руку, затем татуировку в виде змея чуть выше локтя, а затем поворачиваюсь и впервые вижу его лицо. Оно кажется мне красивым и опасным: четко очерченные скулы, колючие синие глаза, темные волосы и пухлые губы. Эдакий порочный принц, только без короны.

– Прости, красавица, – подмигивает он. – Это мне.

Разворачивает записку и быстро пробегает по ней взгля-

дом.

Я отворачиваюсь, у меня краснеют уши.

– Не отвлекайся, – шепчет Оливия.

Она уже вовсю выводит ровные буковки в тетради. Конечно же, пишет про свои озера. О чем же еще?

Я поднимаю глаза, ощутив на себе чей-то недобрый взгляд. Это девушка со второй парты соседнего ряда. Каштановые волосы, массивные серьги в ушах, аккуратный, не вульгарный макияж. Она не кажется агрессивной, но явно недовольна тем, что Кай мне подмигнул.

Это ее записку он сейчас сжимает в руке.

Я опускаю взгляд в тетрадь и принимаюсь описывать, как провела это лето. А когда заканчиваю, ловлю себя на том, что мои мысли крутятся вокруг татуировки, которую я нанесла бы на свое тело, если бы могла себе позволить.

Звенит звонок. Все вскакивают со своих мест, кладут тетради на учительский стол и покидают кабинет.

– Привет, я Мария. А я Оля. Меня зовут Лииса, – представляются мне некоторые девочки, окружая со всех сторон. – А ты откуда к нам приехала?

Я улыбаюсь каждой из них, коротко рассказываю о том, где жила до Сампо, и не забываю краем глаза наблюдать за тем, как Кай кидает вещи в сумку и небрежно забрасывает ее на плечо.

– Идем, – улыбается Оливия. – А то опоздаем на следующий урок.

– Ага.

Я начинаю собирать тетради и канцелярские принадлежности. Девочки расступаются и плетутся к выходу. Несколько парней обводят меня заинтересованными, но дружелюбными взглядами по пути к учительскому столу.

Кай проходит мимо меня, и я кожей чувствую исходящий от него жар.

– Клади на стол, Турунен, – указывает ему учитель.

– Я хотел уточнить, вы же пошутили по поводу доклада? – томным голосом спрашивает он.

Попытка очаровать пожилого преподавателя. Хм, неплохо.

– Даже не думай, что тебе удастся отвертеться! – Она выхватывает тетрадь с сочинением из его рук и кладет в общую стопку. – Я с тебя не слезу, пока не услышу этот доклад!

– Не слезете? Да вы горячая штучка, Елена Владимировна! – наклоняется он к ней.

Учительница, краснея, отмахивается от него тетрадью:

– Иди уже! – И, качая головой, добавляет: – Негодник!

Еще не покинувшие класс ученики хихикают, а я наблюдаю за тем, как Кай кладет руку на талию той девушке, что кинула ему записку. Из кабинета они выходят обнявшись.

Уже позже, в столовой, я снова вижу эту парочку. Она сидит у него на коленях, а он пытается поймать зубами край энергетического батончика, которым она его дразнит. С ними еще несколько ребят: парни и девушки, некоторых из них я заметила у нас в классе, других видела впервые.

Мы садимся за дальний столик, и Оливия заводит разговор о том, как они в прошлом году с классом ездили на озеро и какой потрясающий вид открывается с какой-то там вышки. Я не отвожу глаз от компании, поэтому она толкает меня локтем:

– Не смотри на них. Будет хуже. Лучше, если они тебя не замечают.

– Кто они вообще? – спрашиваю я, переводя взгляд на тарелку с рагу.

– Бездельники.

– Богатенькие детки?

Оливия пожимает плечами.

– Некоторые из них. Но Кай – нет.

– Кто он, этот Кай? Хулиган?

– Спортсмен. – Она мешает ложкой чай.

– Он... дерзкий.

– Все от него без ума: девочки, учителя. Даже парни готовы ему беспрекословно подчиняться. – Оливия морщит нос. – Я так понимаю, за заслуги в спорте у нас прощается многое: и прогулы, и опоздания, и неуспеваемость.

– Это его девушка? – интересуюсь я, бросая взгляд на сидящую у него на коленях брюнетку, которой он поглаживает бедро.

– Ей бы хотелось этого, – тихо отвечает она. – Но Кай не такой. Ему нужны все девушки сразу. Хочет – позовет ее, хочет – оттолкнет. Из-за этого Эмилия и злится.

– Эмилия... – произношу я, ковыряясь ложкой в тарелке с остывшим рагу.

– Не думай о них.

Мне, может, и не хочется думать, но я вижу, как моя соседка старается держаться от них подальше. Это вызывает у меня массу вопросов и догадок. Отсюда вытекает и закономерное желание защитить ее, и вопрос: как уберечься самой, если компания этих ребят действительно представляет какую-то опасность?

Уже на выходе из столовой, в общей толпе учеников, я слышу, как Эмилия, наклоняясь к уху Оливии, шепчет:

– А ты о чем написала сегодня, блаженная? О том, как молилась все лето?

Они с подругой смеются, а затем она кидает на меня презрительный взгляд. В нем явная угроза. «Знай свое место», – говорит он.

Я закусываю губу.

– Они не плохие, просто глупые, – грустно констатирует Оливия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.